

Время твари. Том 1

Автор:

[Антон Корнилов](#)

Время твари. Том 1

Антон Корнилов

Роман Валерьевич Злотников

Рыцари Порога #3

Накрепко скованы могуществом Константина сердцевиные земли великого Гаэлона. Однако феодалы дальних рубежей этого королевства не признали власти мага-узурпатора, в чьих жилах не течет ни капли благородной крови. И, чтобы узаконить свое право государя, Константин решает взять в жены дочь убитого им короля – принцессу Литию... Но она давно уже в пути к загадочным и жутким Туманным Болотам, где стоит на страже всех Шести Королевств Болотная Крепость Порога. И двое рыцарей Братства Порога сопровождают ее высочество. Каждый из этих двоих готов умереть за свою госпожу, и каждый – стоит целой армии. Но получится ли у них противостоять магам и демонам Константина? Сумеет ли остановить идущие к Болотной Крепости бесчисленные полчища узурпатора сэр Эрл – рыцарь Братства Порога, вставший во главе тех, кому Долг и Честь велют сражаться во имя свержения с гаэлонского престола лжекороля?

Роман Злотников, Антон Корнилов

Время твари. Том 1

Пролог

Огромно королевство Гаэлон. Оно много больше каждого из Шести Королевств. Оно занимает едва ли не половину всех земель, заселенных людьми. Оно простирается на север до самых Ледников Андара, за которыми открывается Вьюжное море, где господствуют жестокие воины Утурку, Королевства Ледяных Островов. Королевством Утурку называют лишь по давней традиции, а в действительности каждый из Ледяных островов, разбросанных по Вьюжному морю, принадлежит вождю племени, этот остров населяющего. Не родился еще в Утурку монарх, способный объединить все Ледяные острова в единое государство... За владениями Утурку колышут свои могучие волны Темные Воды – неизведанные морские просторы, царство тьмы, холода и диковинных водяных существ, полурыб-полузверей, которых никто никогда не видел, о которых лишь рассказывают пугающие легенды... С вершин Ледников Андара берет начало величайшая река Гаэлона – Нарья, рассекающая королевство надвое, будто изогнутый синий серп.

На востоке Гаэлон граничит с Голубыми Лесами. Там, в этих лесах, где когда-то безраздельно властвовали древние лесные духи и свирепое зверье, люди отвоевали себе место и право на жизнь – там находится королевство Кастария – государство, в незапамятные времена выросшее из поселений храбрых охотников и лесорубов. А еще дальше на восток лежат совсем уж непроходимые Медвежьи Дебри. Люди не живут в тех местах. Отчаянные охотники, осмелившиеся забредать туда, редко возвращаются обратно. Говорят, Медвежьи Дебри получили свое название из-за того, что в мрачных тамошних чащобах обитают громадные черные медведи, наделенные разумом, почти сравнимым с человеческим...

На юге Гаэлон отгорожен вершинами Скалистых гор от королевства Марборн – второго по величине и могуществу государства на землях, обжитых людьми. В ущельях Скалистых гор находится исток Тринты – реки, лишь немного уступающей полноводностью и протяженностью великой Нарье. Текущая через весь Марборн Тринта на дальних рубежах королевства круто поворачивает на восток и разветвляется на множество мелких речушек. А по ту сторону изгиба Тринты начинаются Земли Вассы – скудные степи, исхлестанные плетями никогда не стихающего ветра. На Землях Вассы живут только полудикие кочевники, да – поговаривают – все еще встречаются представители странного древнего народа – существа ростом с человека, но с непомерно длинными руками и узкими лисьими мордами. Еще дальше на юг раскинулись Красные Пески, гиблое для людей место, где обитают лишь бесплотные духи пустыни; за

Красными Песками находятся оазисы и соленые озера далекого королевства Орабия...

На северо-западных рубежах Гаэлона высятся Белые горы. В тех горах надежно укрыты от диких племен варваров-горцев оплоты цивилизации: королевство Крафия, славящееся своими университетами и обсерваториями, и маленькое, но воинственное княжество Линдерштерн.

На юго-западе Гаэлон не имеет укрепленных границ. Ибо не от кого охранять королевство. Там угрюмо молчат Каменные Пустоши, одинаково враждебные и для человека, и для зверя. Лишь преодолев Каменные Пустоши, можно достигнуть практически необитаемых Синих гор. Нет людей в Синих горах. Но в этих горах спрятаны древние гномьи города: здесь их столько, сколько нет нигде – ни в Белых горах, ни в Скалистых... С вершин Синих гор гремят водопады, дающие начало бурной реке Горше. На ее берегах еще изредка встречаются отдельные поселения людей... и не только людей. В этих землях селятся отшельники, по каким-либо причинам не нашедшие себе места ни в одном из Шести Королевств. Далеко катится Горша, постепенно замедляя свой бег. И прозрачные воды ее мутнеют, бурая тина сковывает течение, и русло ее становится все уже, и дно становится мельче, и по берегам ее уже не луга и леса, а болотная трясина, из которой кое-где торчат кривые деревца, точно стыдящиеся своего уродства и оттого ниже пригибающиеся к земле. Здесь начинаются Туманные Болота: земли, на которые не спешит претендовать ни одно из Шести Королевств. Никто не знает, сколько плодородной земли пожрали Туманные Болота, и никто не знает, что лежит там, за Болотами. Потому что никто никогда не пересекал их...

Человек осторожно ступил на мостовую, выложенную одинаково округлыми, неярко поблескивающими камешками, похожими на серебряные яйца. По обе стороны от мостовой высились деревья – человек никогда раньше не видел таких деревьев: стволы цвета теплого молока были идеально ровными, точно гигантские свечи, а высоко-высоко наверху голубовато-зеленые кроны неслышно колыхались легкими облаками, почти сливаясь со светлым небом.

Человек прошел несколько шагов, ступая по чудесной мостовой неловко и неуверенно, словно боялся, что все вокруг – это мираж, который может развеяться, если он вдруг сделает что-то не так.

Роща закончилась неожиданно, и тут перед человеком открылся такой небывалый простор, что он почувствовал, что задыхается, будто в лицо ему ударила упругая волна сильного ветра.

Вокруг, насколько хватало взгляда, расстилалась бескрайняя равнина, и травы ее переливались множеством цветов – словно мягкая шерсть невероятно огромного сказочного зверя. На горизонте угадывались очертания замка – и человеку показалось, что стены и башни его сложены не из грубого камня, а из горного хрусталя, наполненного солнечным светом.

А солнце...

Человек поднял голову и не удержался от счастливого смеха. Солнце здесь было необычайно большим и близким; его медово-желтый шар заполнял собой половину неба, и смотреть на этот шар было вовсе не больно. Его свет ласкал глаза.

Впереди, в нескольких шагах, за серебряной мостовой журчала неширокая речка, и вода в ней была голубая-голубая, какая может быть только во сне. Горбатый мост, перекинутый через речку, казался отлитым из синего льда, а его перила напоминали морозные узоры на стекле.

Человек взошел на мост и остановился, глядя в воду, где кружили, смешиваясь друг с другом, стаи крохотных золотых рыбок.

И тут его окликнули. Не по имени. Он, кажется, даже не услышал ничьего голоса, а просто почувствовал, куда нужно посмотреть.

По ту сторону моста, по грудь в траве, волнообразно меняющей цвет, улыбаясь, стояла девушка.

И она оказалась прекраснее всего, что человек увидел здесь. Огромные ее глаза, полуприкрытые пушистыми ресницами, завораживающе мерцали. Именно мерцали – в их темной глубине то вспыхивали, то гасли колдовские искры. Человек не чувствовал никакого ветра (удивительная разноцветная трава колыбалась точно сама собой), но длинные, светло-зеленые волосы незнакомки струились по воздуху, словно нежные стебли водорослей в проточной воде.

Она двинулась к нему, выходя из травы, и человек даже застонал от мучительно-сладострастного жара, охватившего низ его живота. Ее тело было совершенным... Нет, даже больше, чем совершенным. Наверное, такие тела создают для себя богини, когда спускаются на землю.

Она остановилась на противоположном берегу реки у подъема на мост и призывно поманила рукой.

Человек рванулся вперед... Но тут же остановился. Ледяная игла тревоги вонзилась в его сердце и растаяла, затопив тело холодом. Человек отступил. С трудом отвел взгляд от улыбающейся красавицы.

Разве может она улыбаться – ему? Разве может она звать – его?

Он снова посмотрел в воду, ища там свое отражение. Он ожидал увидеть там уныло-вытянутое лицо, изборожденное морщинами шестидесятилетнего мужчины, бескровные тонкие губы, маленькие выцветшие глазки, высокий с залысинами лоб, под которым кустились седеющие брови, – он ожидал увидеть там самого себя. Но вода волшебным образом преобразила человека: морщины исчезли, глаза зажглись юным огнем, губы налились кровью, кожа, посвежев, стала светлой и чистой, а залысины прикрыли густые черные кудри. Человек снова стал таким, каким был в двадцать лет. Нет, пожалуй, и в двадцать он не был таким красавцем...

И тревожный холод исчез из его груди. Он мгновенно и твердо принял свой новый облик, он с радостью подумал о том, что теперь таким и останется.

Навсегда.

Уже ничего не боясь, человек сбежал с моста и остановился перед зеленоволосой красавицей.

– Приветствую тебя, муж и господин мой, – сказала она, оплетая его шею руками, нежными, как молодая листва, с которой еще не стерли пушок. – Меня зовут Лисиэль.

– Лисиэль, – повторил человек, ничего не видя, кроме глаз собеседницы. Он хотел назвать свое имя, но вдруг понял, что забыл его.

– Я жена твоя и раба, – проговорила девушка, и искорки в ее огромных глазах запульсировали ярче и чаще. – А это... – она указала назад, на хрустальный замок, – наш дом.

– Дом...

– Твой путь был долг и тяжел, но с этого дня все будет по-другому. Поспеш, слуги уже приготовили тебе постель и наполнили золотые кубки густым вином. Тебе нужно отдохнуть с дороги...

– Лисиэль?.. – снова затревожился человек.

– А я присоединюсь к тебе чуть позже, – сказала она и разомкнула объятия.

Та, что называла себя Лисиэль, улыбнулась, и человек с готовностью улыбнулся в ответ. Теперь тревога исчезла окончательно. Он побежал к хрустальному замку, и ему было легко бежать – ведь он даже не касался ногами земли. Он ступал по разноцветным стеблям, а они пружинили, подкидывая его тело еще выше...

«Иат, – вдруг пришло ему на ум странное слово, которое он недавно пытался вспомнить. – Что это значит? Иат... Впрочем, какая теперь разница?..»

Рубиновый Мечник Аллиарий, Призывающий Серебряных Волков, позволил себе стать видимым. Он сидел на удобном изгибе перил моста, поджав ноги и скрестив руки на груди, и беззвучно смеялся, едва разжимая губы. Мгновением позже, как он появился в сладком неподвижном воздухе, Лисиэль услышала его смех.

Аллиарий поднялся на ноги и встал на мосту, выпрямившись во весь десятифутовый рост.

– Это удивительно забавно! – проговорил он. – Клянусь Божественным Рубиновым Пламенем, эти гилуглы настолько глупо выглядят... Ты только посмотри на него!

Он указал на человека, спотыкливо бегущего в гуще разноцветной травы в сторону хрустального замка. Человек на бегу высоко задирает острые худые коленки и смешно взмахивал руками, будто пытался взлететь. Даже отсюда было слышно его хриплое неровное дыхание – тяжело так прыгать, когда тебе уже стукнуло шестьдесят лет.

– Он, наверное, помрет, покуда добежит, – смеясь, сказал Рубиновый Мечник. – Пусть ему кажется, что он вот-вот достигнет ворот, но на самом-то деле отсюда до замка... три сотни шагов.

– Три сотни наших шагов, – брюзгливо заметила Лисиэль, – а шагов гилуглов от моста до замка будет... не менее пяти сотен.

– Пожалуй, – согласился Аллиарий, глянул на обнаженную Лисиэль и снова засмеялся.

Он видел ее не такой, какой она предстала человеку, а истинный облик. Лисиэль выглядела так, как и полагалось эльфийке, живущей на свете более ста тысяч лет. Она была много выше Аллиария – ведь эльфы растут всю жизнь, как деревья. Голова ее, увенчанная на затылке неопрятным пучком грязно-бурых волос, тряслась, отчего дряблая кожа под острым подбородком бултыхалась мешочками складок. Обвисшие груди покоились на вздутом животе, понизу обросшим густым зеленым мхом. Колонноподобные ноги оплывали набухшими под кожей пузырями жира.

– Неужели нельзя было привести мне кого-нибудь помоложе? – проворчала, поморщившись на смех Рубинового Мечника, Лисиэль. – Этому гилуглу... наверное, лет двести или триста.

– Что ты, обожаемая матушка, – ответил Аллиарий. – Ему около полусотни лет.

– Он юн? – оживилась Лисиэль.

– О нет, – сказал Призывающий Серебряных Волков, – гилуглы редко доживают до ста лет. Матушка, как мало ты знаешь о них!

Эльфийка фыркнула.

– Тем не менее, – продолжал Аллиарий, – ты можешь рассчитывать на то, что он останется с тобой еще лет триста или четыреста... Хотя со своим темпераментом, я думаю, ты загонишь его в могилу гораздо раньше.

– Он получит то, чего желал, – резонно возразила на это Лисиэль. – Среди себе подобных разве он мог рассчитывать на это?

– Конечно нет, – сказал Аллиарий и снова рассмеялся, глядя, как человеческая голова то появляется, то исчезает над волнующейся поверхностью разноцветной травы.

Часть первая

Пути долга

Глава 1

У каждого человека есть талант. Просто большинство не открыли его в себе и вынуждены всю жизнь заниматься делом, к которому не имеют ни дарований, ни желаний, – тратя на это дело несоизмеримо больше сил, чем потратил бы кто-то другой, более в этом способный, а отдачи получая несоизмеримо меньше. Такой человек от рождения до смерти будет страдать, подспудно осознавая свою никчемность: безразлично, на какую ступень пирамиды человеческого тщеславия поставила его судьба – вельможи или сапожника. Такой человек в худшие минуты будет клясть свою жизнь, надоедая жалобами родным, друзьям и богам, – и уж точно никогда не будет счастлив.

Иат эту истину усвоил давным-давно, поэтому в свое время вполне мог считать себя счастливым человеком... наверное, самым счастливым в Дарбионском королевском дворце, где служил с юных лет; да что там – самым счастливым во всех Шести Королевствах: великом Гаэлоне, Марборне, Орабии, Кастарии, Крафии и княжестве Линдерштерн. Кто-то родился с талантом воина, кто-то – с талантом дровосека, кто-то – с талантом мага. А Иату боги даровали редкий, особый талант.

Иат родился при дворе одного из гаэлонских баронов, в семье кухарки и постельничего, и начал прислуживать на кухне уже с шести лет. Нравится ему эта работа или не нравится – он не задумывался. Когда ему исполнилось восемь, его перевели в господские покои – мальчиком на побегушках. Непонятно, чем руководствовался старый ключник Арам, заведовавший в баронском замке назначением слуг. Восемилетний Иат красотой не отличался: был не по годам долговяз, имел бледную вытянутую физиономию и на мир смотрел по-птичьи круглыми, словно навсегда испуганными глазами. И вообще, он производил впечатление дурковатого малого – следовательно, радовать взгляд барона и его семьи никак не мог. К тому же говорил Иат так, будто рот у него был вечно набит горячей кашей, и когда ходил, постоянно натыкался на мебель и двери своими острыми коленками. Но тем не менее в господских покоях Иат задержался надолго, а к своему десятилетию даже поднялся до личного слуги юной дочери его сиятельства господина барона. Целых три года Иат добросовестно исполнял поручения шестнадцатилетней баронессы, попутно прислуживая и другим членам господской семьи. А потом грянул скандал: юная красавица, наследница немалого состояния, сбежала из отчего дома с сыном ближайшего соседа барона – обнищавшего старика-графа, владевшего только деревенькой из пятью хижин, кукурузным полем, на котором кукуруза не родилась уже много-много лет, и полуразвалившимся замком. Сам барон никогда не снисходил до общения с этим соседом, уж конечно не делал ему визитов и у себя не принимал. Вряд ли он даже вспоминал о существовании бедняка, беспечно травя зайцев на запущенном, заросшем бурьяном графском поле. И как могла его юная красавица-дочь, без отцовского разрешения не имевшая права покидать замок, сойтись с отпрыском этого горе-феодала, он не понимал. Не иначе как молодой прощелыга-сосед подкупил кого-то из баронских слуг...

Все слуги барона сразу же после скандала были с пристрастием допрошены и на всякий случай выпороты. Но хитроумного предателя, через которого общались влюбленные, так и не вычислили.

Иат оказался единственным, кто избежал и прилюдного допроса, и порки.

– Этот дурачок собственный зад полдня ищет, чтобы подтереться, – преувеличенно презрительно высказался барон, – чего с него взять...

– А когда находит, забывает, зачем искал, – согласилась с этим доводом его супруга с поспешностью, которая, впрочем, ускользнула от внимания барона.

Таким образом, подозрения с Иата были легко и просто сняты. И все время, пока последствия неслыханного происшествия сотрясали господские покои, Иат спокойно просидел на кухне, ковыряя в носу. Он ни о чем не беспокоился и ничего не боялся. Он был абсолютно уверен, что ему ничего не угрожает. А когда все утряслось, жизнь в замке потекла своим чередом. Как и раньше, Иат почти каждую ночь, когда все обитатели замка крепко засыпали, впускал в свою каморку под лестницей баронского конюха Грама, здоровенного детину с разумом пятилетнего ребенка, облачал Грама в женское платье и тайком провожал в опочивальню барона... Как и раньше, Иат почти каждый день отправлялся к оврагам в часе ходьбы от замка, собирал там ягоды волчьего дурмана, растирал добычу в однородную кашу, которую потом высушивал на костре. И получившийся порошок доставлял баронессе...

Иату было глубоко безразлично, что вытворял с Грамом барон в полутьме своей опочивальни. Так же мало волновало его, почему и когда баронесса пристрастилась к ядовитому зелью, которое забивают в трубки и курят деревенские горькие пьяницы, когда не могут достать ни самогона, ни пива... Иат просто выполнял поручения. Он был прирожденным Исполнителем Поручений. Такой дар невозможно приобрести, с ним нужно было родиться. Он делал ровно то, что от него требовалось, никогда не задавая вопросов и никогда никого в свои дела не посвящая. Ко всему прочему, исполняя поручения барона втайне от баронессы и исполняя поручения баронессы втайне от барона, Иат и не думал плести никаких интриг. К чему бы? Пусть барон считает, что только лишь его секрет надежно скрыт в длиннолицей, похожей на лошадиную башку, голове Иата. Пусть баронесса полагает то же самое в отношении себя. Так лучше и так безопаснее... Не нужно наживать себе врагов.

Для всех Иат был медлительным, нескладным мальчишкой, которому так и хочется врезать подзатыльник, чтобы хоть немного придать бодрости, но те, кому такой, как Иат, был необходим, словно чувствовали его редкий потаенный талант...

Почти у каждого есть за душой постыдная греховная тайна – накрепко уяснил Иат. И, питая эту чужую, скрываемую от всех страсть, ты обретаешь над тем, кому прислуживаешь, самую настоящую власть.

Ну и, конечно, денежки...

Каждую неделю Иат в сумерках пробирался на задний двор замка и там, между выгребной ямой и замковой стеной, открывал свой тайник – глубокую нору, надежно прикрытую тяжелым камнем. На самом дне этой норы лежали золотые серьги давно сгнувшей где-то юной дочери барона и тяжелый фамильный перстень, принадлежавший когда-то ее возлюбленному...

Когда Иату исполнилось четырнадцать, он опустошил тайник, увязав его содержимое в нищенский узелок, и с тем узелком (кто бы мог подумать, что там найдется нечто ценнее ломтя хлеба и луковицы!) навсегда покинул замок, где родился и вырос.

Иат отправился в Дарбион, столицу королевства. Он нисколько не сомневался, что в таком большом городе найдет своим способностям лучшее применение. Так и случилось. Не прошло и года, как Иат оказался в Дарбионском королевском дворце в качестве слуги одного из вельмож. Тут уж, во дворце, среди изнеженных придворных, разбалованных доступными наслаждениями, он развернулся вовсю. Иат потратил целый год и не одну сотню золотых гаэлонов, чтобы свести нужные знакомства в Ночном Братстве. Правда, общаясь с Ночным Братством, Иат соблюдал осторожность – при встречах с Братьями он скрывал свое лицо глубоким капюшоном и ничего не говорил, чтобы они не могли потом узнать его голоса; использовал пластину темного дерева, на которой мелом писал все, что ему было нужно. И получил от Ночного Братства прозвище – Немой. На то, чтобы изучить часть потайных ходов в стенах древнего огромного дворца, у Иата ушло больше времени – около трех лет. Но результат стоил потраченных усилий. Единовременно Иат оказывал услуги десяти и более вельможам, причем каждый из них был уверен, что он – единственный, для кого Иат выполняет особые поручения.

Иат приводил во дворец для вельможных утех и невинных детей, которых по его заказу похищали на улицах города члены Ночного Братства, и прожженных шлюх, годами оттачивавших свое мастерство в задних комнатах кабаков, и уродов, причудливо изувеченных специально для пресыщенных любителей чего-

то необычного... Случалось, он доставлял из дворца главарям Братства хорошенькую фрейлину, удостоившуюся чести греть постель самого короля – в таком случае, конечно, фрейлина обратно не возвращалась. Бывало, приходилось Иату и подсыпать яд в чей-нибудь кубок с вином, бывало – водить безмолвных убийц потайными ходами в покои, двери которых охранялись получше иных сокровищниц. Не один раз Иат замуровывал в известных только ему дворцовых тайниках обезображенные трупы, оставшиеся после оргий вельмож, чьи пристрастия наводили на мысль об одержимости демонами... Для Иата не было ничего невозможного.

Время шло, и все чаще и чаще Иата стало посещать странное чувство. Ему миновал уже пятый десяток, не за горами была старость... Иат понимал, что придет пора, когда ему нужно будет уйти на покой. И что тогда? Нет, дело было не в деньгах... В потайных дворцовых ходах у Иата было припрятано достаточно золота, чтобы обеспечить себе не один десяток лет поистине королевской жизни. И дело было не в одиночестве – род занятий Иата не позволял ему обзавестись семьей, да и сам он этого не хотел. Плотская сторона жизни давно обрыдла ему, отвратила от себя – и ничто не могло удивить или взволновать Иата. Та отстраненность, с которой он воспринимал пороки своих клиентов в детстве и юности, в зрелом возрасте уже растаяла. Раз за разом удовлетворяя чужие извращенные страсти, он как бы сам принимал участие в их осуществлении, хотя на самом деле никогда не дурманил себя наркотиками, не напивался допьяна и не делил постель ни с женщиной, ни с мужчиной. Что же он будет делать, когда уже не нужно будет выполнять особые поручения? Чем наполнит свою жизнь, когда отпадет необходимость жить жизнью чужими?

И как-то раз он вдруг понял. Если все доступные человеку удовольствия давно вызывают в нем только чувство отвращения, значит, необходимо искать успокоения вне мира людей...

Где?

На этот вопрос существовал только один ответ.

В Эльфийских Чертогах. Там, где растения цветут круглый год, лишённые неизбежности увянуть и превратиться в зловонную гниль; там, где в хрустальных замках с алмазными башнями, в просторных залах, освещаемых

пылающим ясным огнем оперением говорящих птиц, на золотых полках теснятся чудесные поющие книги, в которых собрана тысячелетняя мудрость древнего народа. Там, где в тенистых рощах бродят тонконогие единороги и серебряные волки. Там, где живут, не думая о смерти и не зная смерти, – живут, смеясь и танцуя, наслаждаясь цветочным вином и кушаньями, самих названий которых нет и не было в языке людей; живут, вдохновляя друг друга любовью, чистой, как детские слезы, – живут вечно и счастливо существа, которым незнакома и чужда человеческая мерзость.

Эльфы...

Когда-то, давным-давно, эльфы жили среди людей. И был мир между всеми существами: эльфами, гномами и людьми. Был мир, но не было дружбы. Гномы торговали с людьми. Люди искали мудрости у эльфов, и изредка Высокий Народ снисходил до того, чтобы раскрыть людям какой-нибудь из секретов мироздания, что-нибудь из того немногого, что было доступно человеческому разуму. В те времена людей было мало. А потом стало больше. Почти все земли, пригодные для жизни, оказались под тяжестью каменных человеческих городов. И пришел час, когда эльфы во всем мире вдруг обрушились всей своей мощью на юное человечество. И грянула война, которую позже назвали Великой Войной. Что именно разгневало Высокий Народ, что заставило их обнажить зачарованные клинки против людей, – об этом не говорилось ни в одной легенде. Эльфов было гораздо меньше людей, но эльфийские отряды шли по стонущей земле, почти не встречая сопротивления: что могли противопоставить люди могущественной магии Высокого Народа? Куда могли сбежать от серебряных волков, чью шкуру не способны были пробить ни стрелы, ни копья? Где могли укрыться от боевых горгулий, свирепым свистом высекавших из темного неба убийственные молнии? Люди прятались в горных пещерах, но там их убивали гномы, ибо многие из гномьих племен встали на сторону Высокого Народа.

И посреди бушующего пожара Великой Войны осталась лишь жалкая горстка человеческих воинов, тех, кто еще мог сопротивляться – сильнейшие из сильнейших, отчаянные из отчаянных. Последние...

Они укрылись в крепости, укрепив магией ее стены. Они нарекли ту крепость – Цитадель Надежды. И стали ждать смерти, готовясь подороже продать свои жизни. Но когда закипела последняя битва, защитникам крепости стало ясно: из их отчаянья и ярости, из гордости и надежды родилась новая, небывало мощная магия. И отступили эльфы от изувеченных стен Цитадели. Отступили, а потом

бросились бежать, преследуемые торжествующим Человечеством.

В той последней битве погибли многие из Высокого Народа. А те, кто выжили, навсегда укрылись в своих Тайных Чертогах, куда закрыт ход и людям и гномам.

А люди вернулись в свои разрушенные города, на поля, где земля была пропитана кровью, на пепелища лесов и деревень, где меж черных углей ослепительно белели кости... Долгие столетия ушли на то, чтобы восстановить уничтоженное.

Горько поплатился Высокий Народ за необъяснимое свое вероломство. Эльфы потеряли право ступать на земли людей. Горько поплатился и Маленький Народ за предательство человека. Тысячи и тысячи гномов были истреблены, а тем племенам, которые во время Великой Войны скрылись в подземных городах, закрыв ворота для жаждущих спасения людей, под страхом смерти запретили иметь при себе или в жилищах своих оружие...

Отгремела Великая Война. А Колесо Времени покатило дальше.

Год шел за годом, век за веком, тысячелетие за тысячелетием. И люди стали забывать былую ненависть к Высокому Народу. А эльфы начали снова выходить к людям. Но уже не с оружием в руках, а с богатыми дарами. И, словно желая искупить давнюю вину, изредка забирали какого-нибудь счастливца в свои Чертоги, где – как знали все – его ждало бессмертие в наслаждениях и забавах.

Так говорилось в легенде о Великой Войне, в легенде, которую рассказывали почти слово в слово уже столько лет по всем Шести Королевствам...

И у Иата появилась мечта. Разве он, который может отыскать что угодно и для кого угодно, не способен найти для себя участи немногих – попасть в эльфийские Тайные Чертоги?

Иату исполнилось пятьдесят девять лет, когда король Гаэлона Ганелон Милостивый решил преподнести своей дочери, принцессе Литии, на день совершеннолетия поистине королевский подарок: призвать в Дарбионский королевский дворец трех лучших воинов Шести Королевств – с тем, чтобы

доверить жизнь принцессы надежной защите их клинков. Трех воинов, каждому из которых не было равных среди людей. Трех воинов Братства Порога.

И рыцари явились в Дарбион. А спустя несколько недель произошло то, чего так ждал и на что все же осмеливался надеяться Иат.

В Дарбион пришли трое из Высокого Народа. Они пришли во время празднования Турнира Белого Солнца. Они пришли, чтобы оказать принцессе Литии великую честь: забрать ее в свои Чертоги.

Иат, незаметный за спинами придворных, затаив дыхание смотрел на эльфов. Боги, великие боги, как они были прекрасны, эти трое!

При первом взгляде на них можно было бы сказать: «Как они похожи на людей!» Но любой, кто вглядывался пристальнее, отчетливо понимал: это не они похожи на людей, это люди имеют счастье внешне походить на эльфов. Эльфы были гораздо выше самого высокого из тех, кто присутствовал в Зале Пиршеств королевского дворца. Сложены они были так изящно, что человеческие тела в сравнении с их телами казались уродливыми и непропорциональными нагромождениями костей, невпопад залепленных мышцами и плотью и обтянутых скверной, частично покрытой отвратительно торчащей шерстью кожей. Их волосы цвета юной зелени ниспадали изумрудными волнами на грудь и спину, их глаза сияли влажной темнотой, расцвеченной золотыми и алыми искрами.

Иат не один оказался очарован нечеловеческой красотой Высокого Народа. Все, кто удостоился чести видеть эльфов, не могли удержаться от восхищенных вздохов. А когда стало ясно, с чем пришли эльфы в королевский дворец, вздохи из восхищенных превратились в завистливые.

Ах, принцесса Лития! Пусть один из рыцарей Братства Порога, великолепный сэра Эрл полюбился тебе, но что такое человек – пусть он и первый красавец и самый доблестный рыцарь Гаэлона и всех Шести Королевств, – что такое человек по сравнению с эльфом? И что такое жалкая человеческая жизнь, ничтожно короткая и переполненная горестями и страданиями, от которых никуда не денешься, будь ты даже принцессой великого королевства, – по сравнению с бессмертием в эльфийских Тайных Чертогах?

Трое из Высокого Народа и счастливая принцесса собрались в путь, когда вдруг случилось то самое... Ужасное, неслыханное... Невероятное!

Рыцарь Братства Порога, один из трех призванных Ганелоном Милостивым в Дарбион; не блистательный сэра Эрл – нет, не здоровенный громила со светлыми волосами, заплетенными в длинные косы, неразлучный с огромным двуручником, укрепленным в наспинной перевязи, а другой – юноша, которого никто до этого не видел в доспехах и вооруженным, невысокий и худощавый, раньше даже мало походивший на рыцаря, а теперь облаченный в устрашающие черные латы, – вдруг преградил дорогу эльфам и сказал:

– Принцесса останется во дворце.

Иат находился тогда в толпе, робко лелея надежду улучшить момент и подойти к кому-нибудь из Высокого Народа, и не поверил своим ушам. Как и все, кто слышал рыцаря. Ганелон, мгновенно перепугавшийся, послал гвардейцев остановить безумца.

Гвардейцы рыцаря не остановили. А эльфы... эльфы просто ушли. Не посчитав нужным покарать нечестивца.

И принцесса осталась во дворце.

То, что пережил Иат после всех этих событий, не поддается описанию. Как он клял себя за то, что не смог... не решился подойти к кому-то из Высокого Народа. Да, он ничтожный червь, недостойный даже дыханием своим оскорблять помещение, куда ступили эти существа – Высшие Существа. Но... вдруг? Вдруг судьба дала ему шанс исполнить свою мечту, а он этот шанс упустил?..

И еще. Иата с того самого дня, как эльфы ушли из Дарбиона, стал беспокоить мутный страх. Ведь Высокому Народу нанесли оскорбление! Страшное оскорбление! И оно не останется безнаказанным. Не может остаться, никак не может.

Что-то случится. Что-то чудовищное. Этот безумный рыцарь нарушил нечто важное, чего нарушать никак нельзя – так чувствовал Иат.

И не обманулся.

Вскоре взошла над небом Шести Королевств Алая Звезда. Она была знаком хлынувших на земли людей бедствий. В Дарбионском королевском дворце случился переворот. Так тщательно и искусно он был подготовлен, что даже Иат не сумел заранее распознать зловещую возню, хотя понимал: подобные вещи готовятся очень долго. Король Ганелон Милостивый был зарезан в собственной опочивальне. Как позже стало известно во дворце, правители остальных пяти Королевств были также убиты. Дворец в Дарбионе наполнился незнакомыми людьми – преимущественно магами. И несколько дней продолжались казни и убийства верных королю людей. Рыцари Братства Порога: сэр Эрл и светловолосый великан с двуручником хитрым обманом оказались заточены: один в своих покоях, второй – в тюремном подвале. Принцессу Литию, запертую в опочивальне, старательно охраняли. А того нечестивого безумца, оскорбившего Высокий Народ, заговорщики почему-то не тронули...

Иат затаился. Для многих во дворце он был человеком незначительно мелким и мог надеяться на то, что резня обойдет его стороной. Так и вышло. Кто станет обращать внимание на слугу? Боль утраты упущенного шанса немного притупилась. Иат решил обождать, понимая: какая бы ни была новая власть, у ее представителей тоже найдутся потаенные страсти, которые нужно будет обслуживать. Он не останется не у дел. Мечта его – когда-нибудь оказаться в эльфийских Чертогах, перейдя в разряд несбыточных, – окаменела на его душе тяжким грузом.

Но богам было угодно сжалиться над ним и обратить на него свой взор.

И через несколько дней после переворота в голове Иата чудесной музыкой зазвучал неведомый голос...

Да, так и произошло. Иат услышал голос, настолько прекрасный, что он просто не мог принадлежать человеку, услышал – хотя никого рядом с Иатом не было.

Он сразу понял, кому понадобился, кто говорит с ним, а когда понял, не удержался от светлых слез радости. В тот момент он находился один в своей камерке, но даже если бы стоял в окружении сотен людей – все равно не сумел бы не заплакать. Ведь это они... они просили его об услуге! А взамен давали ему право выбирать любую награду.

Высокий Народ, будто услышав его грезы (или на самом деле услышав?), обратился к нему, к Иату. Надо же: и Высокому Народу оказалось нужным его удивительное, редкое искусство. Выполнять особые поручения.

То, что просили сделать эльфы, не являлось очень трудным делом. Но и не было легким. Иат должен был вывести из Дарбионского королевского дворца троих рыцарей Братства Порога и принцессу Литию. Вывести так, чтобы никто потом не нашел никаких следов.

Иат вдохновенно принялся за дело. Но его вроде идеально составленный план едва не провалился. Рыцарям Братства Порога по несчастливой случайности взбрело в голову именно в этот день самостоятельно пробиваться из заточения. Они действительно оказались выдающимися воинами. Лучшими из всех существующих и из всех, когда-то живших; каждый из них стоил целой армии. Но даже такие воины вряд ли смогли бы уйти из дворца, наполненного гвардейцами генерала Гаера, вставшего на сторону заговорщиков и сумрачных чужаков-магов.

Иат все же сумел вывести и рыцарей и принцессу. Он привлек к своему делу двоих головорезов из Ночного Братства, которые провели беглецов по древнему подземному ходу из дворца к условленному месту – за городской стеной, где уже ждали четыре превосходных скакуна, а в седельных сумках Иат оставил порядочно золота, провизии и кое-какое оружие.

Учитывая непредвиденные обстоятельства, чуть не сорвавшие дело, все прошло более-менее гладко. С головорезами Иат потом расплатился – отравленным вином, потому что было сказано ему: не оставлять следов.

Расплатился и стал ждать обещанной платы. То, о чем он мечтал последние годы. То, о чем со слезами на глазах прошептал в темном одиночестве своей каморки, когда в голове его раздался голос из далеких и прекрасных Тайных Чертогов...

В доме деревенского старосты Укама садились ужинать.

Хозяйка, матушка Нана, раздобревшая от множества родов, несмотря на душный летний вечер укутанная в теплый платок, тряпичным шаром каталась по просторной горнице туда и обратно – от закута, где располагалась печь, к столу, длинному и массивному, будто гробница. Староста Укам самолично сработал этот стол, а все, что делал староста, было крепким, основательным и надежным. Одним из главных подтверждений этого был Карам, старший сын Укама, такой же рослый, необычайно широкоплечий и твердоскулый, как и отец. Младшие сыновья старосты: погодки Вара и Гаш, лишь немного уступали Караму ростом и силой. А вот единственная и любимая дочь Реша удалась Укаму лучше прочих детей. Реше было всего пятнадцать, а двадцатилетний Карам рядом с ней смотрелся сопляком.

Домашним хозяйством девушка не занималась – глиняные горшки и миски, как и рукояти ухватов и сковородок, были слишком хрупки для ее могучих рук. Что уж тут говорить о костяных иглах и шерстяных нитках... И рукоделью матушка Нана не смогла обучить Решу. Да девушка вовсе и не печалилась по этому поводу.

Кузнечное ремесло – вот что было тем единственным делом, к которому лежала душа Решы. Здешние земли издавна славились дремучими лесами. Еще прадед Укама гонял по этим лесам огров и лесных троллей, дед Укама вырубал вековые деревья, освобождая землю для пашен, а отец Укама сеял на отвоеванных территориях пшеницу, ячмень и просо. А вот гор поблизости не наблюдалось, а значит, не было и гномьих селений, поэтому местным жителям не у кого было покупать металлические изделия и приходилось изготавливать их самим.

И ковала Реша односельчанам лопаты, топоры, ножи и подковы: из заготовок, за которыми одна, без сопровождения мужчин ездила в ближайший город – Арпан. Когда-то Вара и Гаш ездили вместе с ней, но с тех пор, как однажды на глухой лесной тропинке им встретилась шайка залетных душегубов, Укам уверился в том, что охрана девушке не нужна совершенно. А Вара и Гаш еще долго с почтительным смехом пересказывали по деревне историю о том, как после короткой стычки, в которой они так и не успели принять участие, разбойники, вмиг растеряв наглость и оружие, с воплями ужаса бежали по лесу, прыгая через кучи бурелома. Ну... те из них, кто еще мог бегать...

Правда, лишь одно беспокоило старосту Укама в отношении его любимой дочери: близилось время совершеннолетия юной девы Решы, а достойного

жениха у нее все не было. Откровенно говоря, в деревне Решу побаивались. Да и сама девушка на местных ухажеров смотрела свысока и в прямом, и в переносном смысле этого слова – самый долговязый из деревенских парней едва доставал Реше до подбородка!

В доме Укама любили поесть. А ужин в этой семье традиционно считался главной трапезой, когда нужно было плотнее набить животы, чтобы крепче спалось, ибо всем известно, что хороший сон и добрый слой жирка – основа здоровой и долгой жизни.

В тот вечер начали с ячменной похлебки, сдобренной гусиным салом. Укам шумно хлебал, запихивая глубокую деревянную ложку в густые заросли пегой бородачи, и грозно сверкал из-под косматых бровей в сторону Вары и Гаша, если те начинали пихать друг друга локтями, вспоминая какое-то недавнее забавное происшествие, и приглушенно гыгыкать. Вара и Гаш под взглядом папаши тут же смолкали, по опыту зная, что за этим последним предупреждением немедленно последует полновесный удар ложкой по лбу.

Карам сидел прямо и, подражая отцу, тоже время от времени бросал в сторону молодежи суровые взгляды. Правда, когда Реша водрузила в центр стола здоровенную доску, на которой исходил пряным паром целиком зажаренный молочный поросенок, Карам, забывшись, в нетерпении заклацал зубами и заерзал на лавке, протянув к поросенку ручищу. И тут же ложка папаши Укама звонко треснула его между глаз. И правильно: надлежало дожидаться, пока женщины поставят на стол остальные блюда, сопутствующие главному, и усядутся сами, а потом уж продолжать ужин.

На столе одна за другой появлялись глубокие плошки с печеной репой, отварным белейшим картофелем и лепешками, политыми сметаной. В последнюю очередь матушка Нана втиснула между плошек пару кувшинов с кислым вином и опустила по правую руку от хозяина. Слева от старосты села на жалобно скрипнувшую под ней скамью юная дева Реша.

– Ну-тка... – прокашлявшись, произнес Укам и вознес над поросенком тусклое лезвие ножа, готовясь отмахнуть себе изрядный кусок из особенно подрумяненной задней части.

В этот благословенный момент во дворе дома хрипло и громко залаял Волк – лохматая псина, размером с хорошего теленка. Укам нахмурился. Гостей он не любил, тем более таких, кто шляется по чужим дворам в то время, когда все добрые люди садятся ужинать. Впрочем, обеспокоился староста не сильно. Сейчас Волк доходчиво объяснит незваному пришляку, что для визита тот выбрал явно не добрый час...

Глухой удар оборвал лай. И тут же двор наполнился воющим визгом, таким перепуганно-жалобным, что даже трудно было поверить – это скулит побитым щенком грозный матерый Волк.

Никто из сидящих за столом не успел вымолвить ни слова, как вдруг дверь распахнулась и в горницу шагнул здоровенный детина, ростом и шириною плеч не уступавший, пожалуй, Реше и годами опередивший девушку, может быть, всего лет на пять.

Выглядел этот детина так, что с первого взгляда можно было определить в нем чужестранца. Добротные доспехи, выполненные из кожи неведомого животного, облегли его с ног до шеи; острые шипы, набитые на подошвы низких сапог с металлическими мысками, оставляли на древесине пола глубокие царапины, и дорожный плащ, пропыленный донельзя, волочился за ним следом. Белые длинные волосы незнакомца были заплетены в две ниспадающие на грудь толстые косы. Причем правая выглядела гораздо короче левой, точно ее обрезали...

Или обрубил в бою. Присмотревшись, Укам заметил на кожаных доспехах почерневшие следы крови, частые и обильные; на лбу детины темнела недавняя рана. Похоже было на то, что пару дней назад этот человек попал в нешуточную переделку. В руках у незнакомца была дубина, величиной с оленью ногу. Впрочем, войдя и мельком осмотревшись, он поставил дубину у двери.

– Мир дому вашему! – гроыхнул детина, подходя к столу и обшаривая его цепким взглядом.

Вслед за этим он увесисто хлопнул по плечу начавшего приподниматься Карама, припечатав того к скамье, подмигнул по отдельности Реше и матушке Нане, сдернул с себя дорожный плащ и молниеносно скрутил из него узел. Потом, плотоядно осклабясь, ухватил поросенка и бросил его в узел.

У Вары и Гаша одновременно и одинаково вытянулись физиономии. Онемевший от наглости незнакомца Укам вскочил на ноги и с хриплым рыком почти по рукоять вогнал свой нож в стол.

– Не переживай ты так, папаша, – невозмутимо сыпая в импровизированный мешок картошку, посоветовал детина. – Мы, почитай, третий день толком не ели. Вам только загашники стоит развязать, чтобы заново на стол собрать, а у нас...

Вара и Гаш кинулись на детину с интервалом в один вдох. Так как одна рука у незнакомца была занята узлом, а во второй он держал плоску с вареным картофелем, подскочивший первым Вара получил под дых окованным железом мыском сапога. Гаш с размаху рухнул на пол, споткнувшись о Вару.

– ...а у нас уже давно кишка кишке стучит по башке, – договорил незнакомец.

Опустошив плоску, детина, будто наглядно иллюстрируя последнее свое высказывание, разбил ее о голову подоспевшего Карама, и тот, обалдело икнув, брякнулся на задницу.

Незнакомец пожал плечами в ответ на испуганный взгляд матушки Наны, словно хотел сказать: «Разве ж я первый начал? Я по-хорошему хотел...» – и смахнул в узел репу прямо с плоской.

– Реша, – зарычал Укам, пятясь к печи, возле которой стоял ухват, – Реша, дочка! Шибани лиходею по маковке, чтоб на чужое добро пасть свою поганую не разевал. Шибани со всей силушки, как ты умеешь! Реша!

Но могучая Реша почему-то не спешила ввязываться в драку. Она сидела на своем месте и, зардевшись, застенчиво терзала передник. Видно, этому нахальному пришляку невольно посчастливилось тронуть в ее душе какие-то особые струны, чего до сих пор не удалось сделать ни одному из местных парней.

– Реша! – рявкнул опять старик Укам и тут только разглядел лицо дочери и все понял. – Ах ты ж... – захрипел он, первый раз в жизни озлившись на Решу. – Ах ты ж... шалава такая!

– Папенька! – вскинулась Реша.

– Ты, папаша, не прав вовсе, – заявил детина, деловито собирая в узел остатки того, что стояло на столе. – Нельзя погаными словами юную деву пачкать. Да и пристойно ли будет этакой красавице кулаками махать?

От этого высказывания Реша часто-часто захлопала ресницами и, должно быть, окончательно растерявшись, с треском выдрала из передника изрядный клочок.

Укам взял в руки ухват, но перейти в нападение все не решался. Карам, держась за голову, поднялся, подался было в сторону детины, но тот, перехватив узел левой рукой, правой коротко ткнул Караму в зубы, и старший сын старосты полетел через всю комнату, при приземлении проломив тяжелым телом скамью.

Незнакомец огляделся, словно проверяя, не забыл ли еще чего-нибудь прихватить. Взгляд его зацепился за кухонный нож, воткнутый в столешницу; он шагнул к столу, отпихнув ногой хозяйскую скамью и без опаски повернулся спиной к вооруженному ухватом Укаму. Староста удачного момента не упустил. Размахнувшись, он изо всех немалых сил обрушил свое орудие на широкую спину незнакомца.

Звонкий удар – будто один великан другому отвесил пощечину – раскатился по комнате. Древко ухвата треснуло, и в руках Укама остался лишь короткий обломок, а детина только передернул плечами, словно его цапнул забравшийся под кожаные доспехи шершень.

– Ну, папаша, – несколько удивленно проговорил незнакомец, оборачиваясь с ножом в руке к ошалевшему Укаму. – Мечом меня били, копьем кололи, ножом пытались пырнуть, шестопером раз едва жизни не лишили... клыками грызли, шипами драли, щупальцами стискивали... Даже дубиной получал, бывало, но чтоб ухватом, да по хребтине...

Он подкинул нож под самый потолок и спустя один удар сердца ловко поймал его снова за рукоять. Цвет лица Укама мгновенно изменился с багрового до мертвенно-синеватого.

– Удивил, папаша, – закончил детина и сунул нож за пояс.

Староста сглотнул с такой натугой, будто проглатывал не слюну, а кусок глины в кулак величиной.

А незнакомец, выдув напоследок полкувшина кислого вина, перекинул разбухший узел на плечо и направился к выходу. У двери он помедлил для того, чтобы захватить с собой здоровенный топор. Великодушно оставив свою дубину, еще раз подмигнул Реше и скрылся в вечернем синем сумраке.

Тихо стало в горнице. Поэтому Укам прекрасно слышал, как незнакомец скорым шагом пересек двор и махнул через калитку. А потом дробно застучал, угасая постепенно, цокот лошадиных копыт.

Укам швырнул на пол обломок древка ухвата и затопал ногами. Поняв, что опасность миновала, не получивший никаких повреждений Гаш прекратил притворяться тяжелораненым и вскочил на ноги.

– Ух как он меня! – закричал Гаш. – Врасплох застал, гад! Да мы таперча всю деревню на этого головореза подыдем! Да мы его из-под земли выроем и обратно зароем! Да мы!.. Скажи, Вара!

Брат ничего не сказал. Он все еще пыхтел на полу, пытаясь восстановить дыхание. Гаш обратился к Караму, но и тот только простонал что-то в ответ, ворочаясь в куче обломков, в которые превратилась длинная скамья.

– Угомонись, кузнечик! – рыкнул немного успокоившийся Укам на сына. – Деревню он подымать собрался... Слышал, что этот злодей сказал? «Мы почитай три дня не ели толком» – вот что он сказал! «Мы»! – понял ты? Видать, не один он... А ежели с ним еще десяток таких душегубов? А то и два десятка?.. Сядь и сопи в две дырки. Оглоед! Пень безголовый! Тухлятина!

Укам сделал паузу, чтобы передохнуть, а потом обрушить на Вару еще одну порцию ругательств, но тут ему на глаза попала любимая дочь. Реша, упершись монументальными локтями в столешницу, уложив на мощные ладони подбородок, мечтательно уставилась в законную темень.

– Тьфу! – не подыскав нужных слов, сплюнул на пол Укам.

Лес был древним. Даже здесь, недалеко от опушки, деревья поражали своими размерами; обхватить ствол не самого большого из них вряд ли сумели бы пятеро взявшихся за руки взрослых мужчин. Кроны деревьев в этом лесу шумели на высоте полета птиц – глухо и вкрадчиво, будто перешептывались между собой. Мощные корни высоко вздымались из-под земли застывшими чудовищными змеиными кольцами и кое-где переплетались, образуя причудливые своды, под которые человек мог войти, не наклонив головы. Под этими сводами было темно, пахло сладкой листовяной сыростью, а землю покрывал густой и мягкий ковер серого мха.

Двое путников, юноша и девушка, сидели под деревом в укрытии свода корней, будто в уютном походном шатре. Невысокое пламя разложенного в ямке костра разделяло их, и синий лунный свет, рассеянный ветвями далеких крон, мельчайшей серебряной мукой осыпал переплетения корней над их головами. Неподалеку от костра журчала почти невидимая во мху струйка ручейка. У ручейка, устало всхрапывая, два скакуна со спутанными копытами объедали зеленые прутья древесной поросли.

Юноша, невысокий и худощавый, удобно скрестив ноги, сучком с острым сколом очищал от влажной земли крохотные, в полпальца размером, корешки, складывая очищенные на широкий лист лопуха. Он был одет в легкую дорожную куртку, длинные штаны из бычьей кожи и мягкие низкие сапоги; широкий кожаный пояс плотно охватывал его талию, и никакого оружия на этом поясе заметно не было. На вид юноше было не больше двадцати, но две совершенно седые пряди, ярко выделявшиеся на фоне длинных черных волос, обрамляли его лицо.

– Определить, ядовитые растения или съедобные, не так-то просто, – обращаясь к девушке, говорил он за работой, – потому что единого признака, по которому можно это сделать, вовсе нет. К тому же в разных растениях яд распределяется по-разному. У каких-то ядовиты только плоды, а цветки и листья безвредны. У каких-то наоборот: плоды можно есть, а до цветков и листьев даже дотрагиваться опасно. А у иных только корни употребляют в пищу, да и то – хорошенько отварив. Ядовитые растения нужно знать...

Девушка, закутанная сразу в два дорожных плаща, отчаянно боролась со сном. Она устремляла взгляд на юношу, пытаясь изобразить на лице внимание, но веки ее смыкались, и голова клонилась на грудь. В один момент усталость победила – длинная и мягкая тень ресниц упала на лицо девушки, губы

приоткрылись... Но юноша безжалостно разбудил ее, приподнявшись и вытянув руку, чтобы дотронуться до ее плеча. Девушка вскинула голову. Капюшон плаща упал ей на плечи, и густая копна золотых волос засияла, казалось, ярче пламени костра. Только теперь стало видно, что девушка замечательно красива – красотой нежной и юной, будто едва-едва раскрывшийся цветок, не познавший еще ни слишком холодного ветра, ни чересчур жаркого солнца.

– Ваше высочество, – негромко, но настойчиво проговорил юноша, – вы задали мне вопрос, но ответа еще не получили.

– Да-да... – часто моргая, ответила золотоволосая. – Я... да... спросила...

– Я увидел, что мои слова летят мимо вас. Прошу меня простить, ваше высочество, но именно поэтому я взял на себя смелость прервать ваш сон. Итак, мы остановились на том, что ядовитые растения нужно знать. Многие легкомысленно считают, что, употребляя в пищу растения, которые поедают дикие животные, они не подвергают себя опасности. Это не так. Дело в том, что человек и животные неодинаково воспринимают яды...

– Сэр Кай! – неожиданно взмолилась девушка. – Пожалейте меня! Мы уже три дня в пути! Я так устала и так голодна, что едва жива. Я всего лишь спросила: уверены ли вы, что корешки, которые вы отыскивали, не ядовиты... Я... сделала это... из учтивости, чтобы поддержать разговор...

– Вопрос звучал не так, – довольно строго произнес юноша, которого спутница поименовала сэром. – Вы спросили: как можно определить, ядовиты растения или нет? Вы задали вопрос. Следовательно, вы возложили на меня ответственность дать вам ответ. И взяли ответственность на себя: выслушать все, что я по этому поводу знаю.

– О милостивая Нэла... – пробормотала золотоволосая, сжав пальцами виски. – Да я ведь просто так спросила! Неужели нельзя просто так ответить?

Юноша внимательно посмотрел на нее. Пальцы его на протяжении всего разговора неустанно и ловко продолжали очищать корешки – на листе лопуха выросла уже порядочная кучка, а неочищенных осталось всего несколько штук.

– Рыцарю Болотной Крепости Порога недостойно просто так болтать языком, ваше высочество, – сказал он. – Я не могу оставить ваш вопрос без ответа – этого требует наш Кодекс чести. Вы ведь должны помнить: вы вольны задать рыцарю-болотнику любой вопрос. И будьте уверены, что получите честный и подробный ответ... Я не вправе оставить ваш вопрос без ответа, потому что не вправе нарушить ни единого правила Кодекса. Не отступать от избранного пути ни на самый ничтожно малый шаг – это Долг рыцарей Болотного Порога. Я здесь, с вами, ваше высочество, чтобы оберегать вашу жизнь, жизнь дочери короля Гаэлона: я поклялся делать это, покуда жив. Вы просили меня увезти вас из захваченного врагом Дарбионского королевского дворца, а я обещал доставить вас в Крепость Болотного Порога – и разве у вас мелькнула хоть тень сомнения, что в один прекрасный момент я нарушу данное мною в Дарбионе обещание?

Золотоволосая девушка – королевская дочь, принцесса, как стало ясно из слов сэра Кая, – молчала несколько ударов сердца, прежде чем ответить.

– Нет, – тихо сказала она наконец, – я уверена, сэр Кай, что этого не произойдет никогда.

– Почему же вы думаете, что в ответ на просьбу научить вас отличать ядовитые растения от неядовитых, я ничем не помогу вам? Я просто не имею на это права, ваше высочество. Поступи так, я уже не смогу считаться рыцарем Болотной Крепости Порога.

Принцесса потерла пальцами покрасневшие веки.

– Простите меня, сэр Кай, – произнесла она. – Я... очень устала, в этом все дело. Мы уже третий день пробираемся по глухомани, чураясь человеческого жилья, третий день питаемся лишь корешками, ягодами, грибами да жестким мясом лесных зверюшек и птиц... Я так хочу спать... Я прошу вас о снисхождении... Разве нельзя отложить наш разговор до завтрашнего утра?

– Если на то будет ваше желание, – неожиданно улыбнувшись, почтительно кивнул сэр Кай. – Но, ваше высочество, вам не удастся заснуть еще по меньшей мере три четверти часа.

– Что? – удивленно и испуганно вздрогнула золотоволосая принцесса. – Почему?

– Потому что я слышу, как лошадиные копыта стучат по мху и древесным корням. Сэр Оттар возвращается.

– Слава богам! – бледно улыбнулась принцесса. – Погодите... И я слышу, как кто-то сюда едет! Как вы думаете, сэр Кай, ему удалось раздобыть съестного?

– Да, – чуть помедлив, чтобы прислушаться, ответил сэр Кай. – Он порядочно нагрузил своего скакуна. К тому же я слышу металлическое звяканье. Сэр Оттар нашел оружие.

– Не могу отделаться от мысли, что вы используете магию, – сказала заметно оживившаяся принцесса. – Разве обычному человеку под силу только по едва слышимому стуку копыт определить такое?

– Ни крупицы магии, – ответил сэр Кай. – Умение слышать и видеть – это основы искусства контролировать мир вокруг себя. Это первое, чему учат в Болотной Крепости Порога. Это первые шаги на пути к обретению истинного мастерства воина. Я запомнил стук копыт лошади Оттара, когда он отъезжал в деревню, и для меня этот звук отличается от того, что я слышу сейчас, так же сильно, как для вас... к примеру, беспечное мурлыканье кошки от ее же рассерженного шипения.

«Вот бы и мне так научиться», – чуть не произнесла золотоволосая, но вовремя прикусила язык.

Скоро на поляну, заранее широко улыбаясь, выехал детина – тот самый, возмутительнейшим образом прервавший мирный ужин семьи деревенского старосты Укама. Как видно, это он носил имя, непривычное уху жителей центральных земель великого королевства Гаэлон – Оттар. Такое имя могло принадлежать выходцу с далекого Севера, скорее всего, подданному Утурку, Королевства Ледяных Островов, славившегося своими свирепыми воинами.

– Гляди-ка, брат! – крикнул Оттар сэру Каю, демонстрируя громадный топор. – Ого?!

– Ого, – подтвердил Кай.

– Ваше высочество! – обратился к золотоволосой принцессе верзила, стаскивая с седла мешок. – Славное нас сегодня пиршество ждет!

Он протиснулся под сводами корней и принялся выкладывать к костру снедь на широкие листы лопуха, которые рвал тут же, под деревом.

– Наконец-то по-человечески пожрем... – сладострастно приговаривал он за своим занятием, – то есть простите, ваше высочество, покушаем. А то видано ли: особу королевской крови пичкать всяким дерьмом... то есть простите, ваше высочество, гадостью всякой, листиками и корешками. И оружием к тому же разжились. У меня аж сердце радуется! Где ж это видано, чтоб рыцарь Северной Крепости Порога да с голыми руками по лесам да буеракам бегал?! Да и делов-то было всего – зайти и взять. Эти крестьяне тупоголовые только глазами похлопали...

– Так ведь и ты похлопал, – проговорил рыцарь-болотник без укоризны и без насмешки, просто констатируя. – Я вижу, без этого не обошлось.

Оттар с деланным смущением хмыкнул и потер левой ладонью костяшки пальцев правой руки, на которых еще видны были следы от крепких крестьянских зубов. Принцесса, увлеченная видом и запахом жареного мяса, кажется, не обратила никакого внимания на фразу Кая.

– Не обошлось, ага, – с удовольствием согласился Оттар и, подняв поросенка за задние ноги, одним мощным движением разорвал его надвое. – Эва, какой... маленький. А я такой голодный, что быка бы съел – прямо с рогами и копытами...

Протянув принцессе лист лопуха, на котором громоздились шматы мяса, обложенные картофелем и прикрытые сверху лепешкой, северянин, не удержавшись, втянул слюну и молвил:

– Не обессудьте, ваше высочество, что так, по-простому-то...

– Вот уж и не подумаю, сэр Оттар, – откликнулась повеселевшая принцесса, принимаясь за еду.

Оттар тяжело брякнулся рядом с болотником и сразу же загреб в обе руки лепешек.

– Никогда не едала такого вкусного мяса, – проговорила принцесса, активно действуя острым сучком, который передал ей сэр Кай. – От всей души благодарю вас, сэр Оттар!

Северянин, умудрившийся за доли секунды набить рот до отказа, замотал головой, ожесточенно двигая кадыком.

– Не меня... благодарить нужно, – с усилием выговорил он, – а... брата Кая... Наконец-то сподобился разрешить мне... наведаться к людям.

Сказав это, Оттар обеими руками крепко ухватил пороссячью ногу и вонзил в еще горячее мясо крупные белые зубы. Процессу поглощения пищи северянин отдавался целиком – под толстым кожаным панцирем упруго двигались могучие бугры мышц; изредка Оттар взрыкивал и встряхивал головой, будто огромный пес, терзающий кость. Даже удивительно было, как это худощавый юноша, сэр Кай, мог что-то запрещать или разрешать такому здоровенному верзиле?

Покончив с пороссячьей ногой, Оттар довольно икнул и утер вспотевший лоб.

– Деревня довольно большая и богатая, – утолив первый голод, обратился он к Каю тоном, заметно отличным от того почтительно-дурашливого, которым разговаривал с принцессой. Теперь северянин говорил серьезно, будто желая продемонстрировать важность начавшейся беседы, – так армейские сотники докладывают генералам о расположении войск противника. – Должно быть, недалеко отсюда город. Соваться туда уж точно не стоит. Наверняка там приготовлена нам достойная встреча. Небось всю городскую стражу соберут по тревоге...

– Наверяд ли, – проговорил Кай. – Я думаю, что в окрестных городах мало кто знает о нашем побеге из Дарбиона.

– Это почему?! – удивился северянин так сильно, что даже выронил громадный кус свинины, который не утерпел хапнуть во время разговора. – Как это? Не понимаю... Да ты что говоришь, брат?! Трое рыцарей Порога переворачивают вверх дном королевский дворец, крушат дворцовую стражу и ратников генерала

Гаера! Из-под носа предателя архимага Гархаллокса, приспешника этого Константина, поганого узурпатора... чтоб демоны Темного мира сожрали его мозги!.. уводят принцессу, единственного выжившего человека, в чьих жилах течет кровь королевской династии Ганелонов! И ты думаешь, что нас не будут преследовать?

- Нас не будут преследовать в открытую, - сказал Кай. - Не забывай, что Константин, захвативший власть в королевстве, - могущественный маг. В его силах организовать тайное преследование, по действенности не уступающее открытому. А вот поднимать шум он не станет. Бегство принцессы бросает тень на весь королевский двор. Новый королевский двор.

- Сборище ублюдков, упырей, выскочек и предателей! - тут же прокомментировал Оттар.

- Константин хотел жениться на мне, - вмешалась принцесса, и голос ее дрогнул, будто это имя больно укололо ей горло. - Мерзкий, жуткий урод! Мне даже подумать страшно о том, что это могло произойти. И о том, что вдруг у него получится найти нас...

- Хрен ему - найти нас! - буркнул Оттар так тихо, что принцесса вряд ли услышала. А сэр Кай проговорил:

- Помните, что произошло, когда заговорщики одержали победу? Верные королю Ганелону люди были объявлены предателями, и кровь короля возложили на них. А сами заговорщики, придя к власти, стали в глазах народа избавителями от коварных предателей...

- Престолюдины - слепые черви, - проворчал северянин, - что им в уши натолкали, тому они и верят.

- ...но, если все узнают о том, что принцесса Лития сбежала от своего спасителя, якобы сурово покаравшего убийц ее отца, - продолжил болотник, - возникнет много вопросов, ответить на которые узурпатору будет сложновато. Следовательно, нам не стоит опасаться открытой охоты. И какой дорогой идти до Болотной Крепости: лежащей ли через большие города или по безлюдной местности - в общем-то, неважно. Константин - великий маг. Скорее всего, он постарается выяснить наше местоположение именно магическими способами, не

прибегая к помощи шпионов и лазутчиков.

– Тогда почему мы третий день пробираемся по бездорожью и лихолесью, боясь кому-нибудь на глаза попасться? – воскликнул Оттар. – Не поздновато ли погони опасаться?

Болотник немного помолчал.

– Признаюсь, за время, проведенное во дворце, – проговорил он наконец, – я очень устал от людей. Я устал... постоянно ожидать от них опасности. Мне необходим был отдых.

Северянин изумленно крикнул. Принцесса ахнула, приложив ладонь к губам.

– Сэр Кай! – стараясь сдержать возмущение, произнесла она. – Вы не перестаете меня удивлять. Три дня мы не покидали седел, две ночи провели под открытым небом... Мы дважды переправлялись вброд через реки, ледяная вода которых то и дело грозила сбить нас с ног и размозжить о камни. Мы ехали по дну глубоких оврагов, где кони вязли в вонючей грязи, мы ехали по лесу, где ветви рвали одежду и царапали наши лица... И сейчас выясняется: нам пришлось все это пережить, чтобы дать вам возможность отдохнуть от людей?!

– Не только для этого, – невозмутимо пояснил болотник. – Первое время велика была опасность того, что по всем дорогам, ведущим из Дарбиона, пустят погоню, чтобы настичь нас, пока не успеем уйти далеко.

– Они бы не стали скакать три дня кряду, – пробурчал северянин. И вздохнул: – А ведь сегодня мы могли ночевать в какой-нибудь таверне... Пропустив кружку-другую перед сном... То есть я не к этому говорю, – спохватился он. – А к тому, что ее высочеству лучше было бы выспаться в теплой постели, а не на холодной земле.

– Ее высочеству следует привыкать к походной жизни, – проговорил Кай и прямо посмотрел на принцессу. – До Болотной Крепости путь долог. Через несколько недель пути мы покинем обжитые земли. И то, с чем нам придется столкнуться в диких пустошах, не может идти ни в какое сравнение с тем, что вы, ваше высочество, сейчас считаете тяготами дороги.

Принцесса явно собиралась что-то сказать, но... промолчала. Северянин почесал в затылке, тоже никак не отреагировав на произнесенное болотником. А сэр Кай, помолчав, добавил:

– Единственное, чего я не понимаю: кто же все-таки открыл нам секрет дворцовых потайных ходов? Кто помог бежать?

– Понятия не имею, – отозвался Оттар, пододвигая к себе остатки пороссячьей тушки, – но помощников этот кто-то выбрал хреновых! Прошу прощения, ваше высочество... Вот ведь гады... тут уж, ваше высочество, по-другому и не скажешь... сняли с оставленных нам коней сумки с провизией и оружием... А может, там и золотишко еще было? Ловко сработали, паскуды!.. Если бы брат Кай следов от сумочных ремней на седлах не углядел, мы бы думали – так и надо.

– Провизия и золото – ерунда, – медленно выговорил болотник (видно, он продолжал размышлять о неведомом спасителе), – да и оружие ничего не стоит раздобыть... Дело не в этом.

– Тебе легко говорить, брат Кай, – вскинулся Оттар, тут же любовно оглянувшись на недавно приобретенный топор, – когда у тебя доспехи и меч при себе. А я без оружия... прямо как голый себя чувствую. Только толку в том, что доспехи и меч с тобой? Все равно в узле их держишь.

– Рыцари-болотники не сражаются с людьми, – все так же машинально ответил Кай. – Долг болотников – защищать людей от Тварей. А Пороги, из-за которых приходят Твари, еще далеко. Сейчас снаряжение мне ни к чему. Однако... – болотник тряхнул головой, освобождаясь от дум, – пора ложиться спать. Завтра, чуть свет, снова в путь.

– Как это – спать? – не понял Оттар. – В моем брюхе еще полно места! Я тебе, брат Кай, вот что скажу: мы в нашей Северной Крепости Порога всегда старались наесться плотнее, ежели такая возможность выпадала. Потому как плотно пожравшего никакой холод не берет. Да и ее высочеству недурно было бы подкрепиться после того, как она три дня нормальной пищи не видала...

Он осекся, посмотрев на золотоволосую. Принцесса крепко спала, свесив голову на грудь. Рядом с ней валялась выпавшая из ослабевших рук недоеденная

лепешка.

– Н-да, – сказал северянин, поднимаясь, чтобы поправить на принцессе расползшиеся полы плаща, – вона как ее высочество крестьянские харчи убаюкали. И меня тоже в сон клонит что-то... Ладно уж. Чего сегодня не успел, завтра с утра дорубаю.

Он еще подбросил в огонь два сука потолще, приткнул их ногой один к другому, чтобы держали жар всю ночь, и привалился спиной к торчащему из земли могучему извиву корня. Болотник завернул остатки еды в плащ и улегся лицом к костру.

Рыцари не выставляли караула на ночь. Северянин давным-давно привык спать вполглаза, бессознательно различая ночные шорохи. А болотник, кажется, совсем не собирался предаваться сну... Да и не было нигде поблизости и быть не могло существ, способных представлять хоть какую-то опасность для рыцарей Братства Порога.

– Брат Кай, – позвал северянин, раздирающе зевнув, – как думаешь, брат Эрл что сейчас подделывает? Все-таки, сдается мне, не нужно было разделяться, после того как мы из Дарбиона ушли. Втроем нас Константину нипочем не взять. А он один...

– Сэр Эрл знал, как ему поступить, – ответил болотник.

– Думаешь... – Оттар посмотрел на спящую принцессу и понизил голос, – он из-за ее высочества с нами не поехал?

– Ссора с возлюбленной вряд ли повлияла на решение брата Эрла, – сказал болотник.

– То есть как это – вряд ли повлияла? – удивился северянин. – Такая любовь у них была, уж и к свадьбе дело шло, а потом – р-раз! – и даже смотреть друг на друга перестали. И я брата Эрла прекрасно понимаю. Помнишь Изаиду? Ну, фрейлину-то? Такая... смачная, толстомясая... Я ж с ней почти неделю перемигивался. До свадьбы у нас, хвала Громобою, не дошло, зато дошло до кое-чего другого. Все

хорошо было, лучше некуда, да я ее раз под хорошее настроение за задницу щипанул. Главное, в шутку и не в первый раз, но уж больно сильно получилось. Настроение у меня было очень хорошее... – Оттар подмигнул Каю и негромко захихикал. – Так она меня медведем обозвала. Я ее – курицей. Она меня – мохнорылым кабаном! Где и слова-то такие услышала?.. А я ее – козой бесхвостой. Ну и пошло слово за слово... Разругались вдрызг, мне потом даже в ее сторону голову повернуть противно было. Не, у меня, конечно, и в мыслях нет сравнивать эту... корову слюнявую с ее высочеством принцессой Литией, но... Ты меня понимаешь, что я хочу сказать?

– Совершенно не понимаю, – ответил Кай. – Сэр Эрл гневается не на возлюбленную, а на себя самого. В Дарбионе не он, а я дважды уберег ее высочество от смерти и бесчестья. Эрл считал себя недостойным возлюбленной, потому и отталкивал ее от себя. Да ты и сам все видел...

– Видел, – согласился Оттар. – А еще я видел, что за все время, как мы едем, ее высочество ни словечка о своем возлюбленном не молвила. И еще одно заметил... – северянин выдержал паузу. – На тебя, брат Кай, ее высочество как-то особенно посматривает. Кое-когда... Хотя ты ее придирками всякими и нравоучениями совсем замучил. А ведь когда-то тоже... совсем другими глазами на нее смотрел.

Болотник Кай пошевелился, двинувшись ближе к костру.

– Чувства, которые женщина заставляет испытывать мужчину, – проговорил он, пристально глядя в огонь, – сродни магии. И суть этой магии в том, что она ослабляет воина. Ослабляет рыцаря, который введом своим Долгом. Брат Эрл покинул нас вовсе не из-за ссоры с принцессой. Он – единственный, кто может составить серьезную конкуренцию узурпатору Константину, потому что он единственный, за кем без колебаний пойдут недовольные новой властью. Брата Эрла знают в Гаэлоне и любят. Я очень рад, что брат Эрл разобрался в себе и понял, какой путь ему выбрать. Ибо главное для рыцаря Братства Порога – это следовать своему Долгу.

– Это так, – кивнул Оттар, но тут же посерьезнел. – Хотя вот прямо сейчас, – сказал он, – для рыцаря Братства Порога главное – хорошенько выспаться.

Кай ничего на это не ответил. Он распустил шнуровку на рукавах и обнажил по локоть руки. Множество амулетов самых разных видов и размеров забряцали на его запястьях. Оттар, сонно помаргивая, наблюдал за тем, как болотник осторожно развязывает ремешки амулетов.

– Ты, брат Кай, вообще, что ли, не отдыхаешь? – поинтересовался северянин. – Опять полночи со своими побрякушками возиться будешь?

– То, что ты называешь побрякушками, спасло наши жизни во время битвы во дворце, – проговорил Кай, не прерывая своего занятия, – и еще не раз может послужить нам. Сила амулетов иссякла, я должен вновь напитать их магией.

– Магия... – неодобрительно проворчал Оттар. – Я так считаю: воин – это воин. А не маг. И не травник, кстати! – припомнил он. – А ты своими травками всю душу ее высочеству вынул. Откуда в твоей голове столько всего понапихано? И откуда, интересно знать, ты магию здесь возьмешь, в глухом лесу?

– Твои рассуждения, брат Оттар, – рассуждения невежды. Магическая энергия повсюду. Материя мира соткана ею, будто незримыми нитями. Магия – связующая часть мира. Для того чтобы взять себе эту энергию, достаточно открыть канал. К тому же...

– Все-все-все! – немедленно запротестовал северный рыцарь. – Заметь, брат Кай, я ж не говорил, что хочу учиться магии. Вовсе не хочу! А тебя только тронь – сразу же всякими премудростями сыпать начинаешь. Как клинком ткнуть в мешок с... с... да с чем угодно... Ничего не хочу слушать про магию!

– Да будет так, если таково твое желание, – сказал Кай и замолчал.

И Оттар ничего больше не говорил, закрыв глаза.

Болотник, прихватив с собой амулеты, неслышно покинул стоянку. Отыскав неподалеку поляну, он часть амулетов прикопал в земле, часть положил в ручей, закрепив так, чтобы их случайно не унесла вода; часть положил на древесные корни под серебряные лунные лучи. И сам уселся в центре созданного им таким образом воображаемого треугольника.

Опустил веки, несильным и привычным усилием воли ввел себя в транс и принялся петь Древнее Слово Открытия Истоков.

Глава 3

Рыжий Патен в одних заплатанных штанах сидел на крыльце таверны «Веселый Медведь», почесывал поросшее красной шерстью брюхо и морщился на раскаленный медный щит солнца, медленно погружавшийся в косматую шапку далекого леса. Таверна торчала на перекрестке дорог посреди голой степи, словно чирей на плешивой башке. С утра и до утра, открытая всем ветрам, она хлопала ставнями, скрипела и перестукивалась дранками, визжала заржавленным флюгером, но сегодня к вечеру нескончаемый ветер вдруг утих, и таверна погрузилась в необычное безмолвие.

Патен осторожно отхлебнул из своей фляжки и замер, прислушиваясь к ощущениям. Глоток кукурузной водки только скользнул вниз по пищеводу, а в брюхе Патена уже раскатился глухой рык, точно там проснулся и заворчался злобный пес.

Рыжий Патен коротко простонал, потер брюхо и сплюнул под крыльцо желтую слюну. А потом громоподобно вознес к темнеющим небесам ругательство настолько устрашающее, что сам собой пискнул, ворохнувшись, ржавый флюгер, и старая лохматая ворона, присевшая отдохнуть над дверями конюшни, с возмущенным карканьем сорвалась со своего места.

– Что, сильно болит? – осведомился Риф, высунувшись в окно.

– Ну, – утвердительно буркнул Патен, не поднимая глаз.

– Вот ведь напасть, – сочувственно вздохнул Риф. – Вот ведь напасть так напасть... Вам бы, когда вы в город ездили, к магам Сферы Жизни заглянуть. Лучше уж заплатить лишнюю пару монет, чем так мучиться.

– Приткнись, – злобно посоветовал Рыжий Патен, – если не понимаешь. Монетки-то еще заработать надо, а в этой глуши только брюшную хворь и заработаешь.

Сидишь, сидишь, путников выглядываешь, а явится один в год – и тот нищеврод, которого не привечать следует, а гнать в три шеи!

Патен сделал очередной глоток из фляжки и неожиданно разразился длинным монологом, содержание коего сводилось к следующему: сотворенному Незъяснимым миру, конечно, приходит конец. То вдруг свалится на королевство беда в виде поганых тварей, похожих на крылатых крыс и повсюду называемых зубанами. Эти гады крылатые-зубатые портили скот, таскали кур и гусей, даже – как проезжие люди сказывали – на детей нападали. Пропали зубаны (видно, провалились в Темный мир, откуда и вылезли), так разразилось новое несчастье, касавшееся, правда, одного лишь хозяина «Веселого Медведя» – Рыжего Патена. Навалилась на таверщика тяжкая хворь: в брюхе стало гудеть и ворчать, куска лишнего не проглотить, а коли проглотить, так сам рад не будешь – такие ветры музыкальные пускаешь, что ушам и носу, а также уму и сердцу противно до невозможности. Пришлось на лечение тратиться, к местному лекарю наведываться – Вороху-травнику, жившему неподалеку одиночкой-нелюдимом, но пользовавшемуся широкой известностью. А не далее как на прошлой неделе явился Патен, как обычно, к травнику, а хижина того разграблена, и самого Вороха не видно нигде. Кому он дорогу перешел? Ведь лекарей даже разбойники, Лесные Братья, не трогают... Делать нечего: запряг Патен лягливую кобылку Блудку и подался в город Агар, к которому ближе всего был «Веселый Медведь», оставив таверну на лоботряса Рифа. День туда да день обратно, да полдня в городе промурыжился, а ничего не достиг. Более того, вернулся из города подавленный, испуганный и больной пуще прежнего. Говорили в Агаре, мол, невесть что творится в славном Дарбионе, столице великого королевства Гаэлон. Говорили, что убили государя, его величество Ганелона Милостивого. Убили те самые злодеи, которые призвали из Темного мира, обиталища ужасных демонов, зловредных зубанов. Но доблестный рыцарь Горной Крепости Порога сэра Эрл покарал предателей, порубал их всех до одного на мелкие кусочки, и теперь в Дарбионском королевском дворце готовятся сразу два праздника: свадьба сэра Эрла и ее высочества принцессы Литии и коронация сэра Эрла, по праву престол заслужившего.

Только эти слухи Патен не особо-то в уши пускал. Какое ему дело до того, что в Дарбионе делается? Дарбион – эва где! До Агара-то скакать целый день без продыху – туда Патен за все время, как на перекрестке обосновался, раза четыре выбирался, не больше. А до Дарбиона дней пять ехать – даль просто несусветная... Патеново разве дело разбираться, чего там такое происходит? Политика – дело знатных и богатых. Главное, что почему-то и в Агаре ни одного травника не нашлось. Ни одного лекаря-колдуна, ни даже ведуньи завалющейся.

Патен у прохожих спрашивал, а те ему в рожу хохотали. Дескать, запретили их, колдунов и травников и ведьм – даже искать не стоит. Магией теперь разрешено заниматься только членам Ордена Королевских Магов. В Агаре королевские маги, конечно, есть. Башни всех четырех Сфер высятся в Агаре, как по королевскому уставу и полагается – город-то немаленький, ему вполне под силу содержать и магов Сферы Огня, и магов Сферы Бури, и магов Сферы Смерти, и магов Сферы Жизни. Последние, как известно, врачевательством занимаются, только к ним Рыжий Патен, хозяин «Веселого Медведя», даже и не подумал сунуться. Королевские маги такую цену ломают, что помереть дешевле. Отплевался, в общем, Патен и повернул Блудку обратно...

Таверну «Веселый Медведь» никак нельзя было назвать многолюдным местом, и сам Рыжий Патен по причине природной угрюмости нечасто баловал своего слугу разговорами, поэтому обрадованный возможностью побеседовать с кем-то поумнее кобылы Блудки Риф с удовольствием поддакивал господину и даже умудрялся вставлять кое-какие реплики.

– Сдохну здесь без помощи, сдохну совсем! – неистово скреб брюхо Патен. – Коли б не водка, так давно бы уже окочурился! – Он длинным глотком опорожнил фляжку и сразу же скорчился на ступенях крыльца. – Великие боги, и водка уже не помогает!.. Как огнем потроха обожгло... Глотнуть больно...

– Вы бы, господин, и не глотали б, – вякнул Риф. – Можя, оно от водки-то и хуже вам?

– Приткнись! – свирепо оскалился Рыжий Патен. – Кому сказано?! Дурак! Водка – она наипервейшее лекарство от недугов телесных и душевных. Болван! Понимал бы что!.. Ну-ка, беги, наполни мне фляжку...

Рыжий таверщик швырнул фляжкой в слугу и вдруг вздрогнул. А потом чуть приподнялся, вглядываясь туда, где полыхал тяжелым красным светом подоженный умирающим солнцем лес. По дороге, ведущей из леса, трусил на черном коне одинокий путник.

– Гля-кась, – на минуту забыв о хвори, удивился Патен. – Едет кто-то... Давай чеши навстречу – хошь силком, но волокни его сюда. Скажи, лучшие яства получит, вино благородное, холодное-прехолодное пиво и самую мягкую постель, какая только может быть... И почти задаром. Ну, сам знаешь. Да не

прямо сейчас беги, орясина! Фляжку мне наполни, балбес!..

Стало совсем темно и Рыжий Патен зажег в трапезной таверны масляные светильники, когда под окнами раздался радостный вопль Рифа:

- Господин! Господин, к нам гость пожаловал! Накрывайте на стол, господин!

Спустя десять ударов сердца ступени крыльца заскрипели, дверь в таверну открылась, и в трапезную вошел путник. Патен, в это самое время кромсавший на куски черную кровяную колбасу, выпрямился и, взглядевшись в незнакомца, задержал в воздухе большой, остро заточенный кухонный нож.

«Ух ты! – пронеслось в голове тавернщика. – Милосердная Нэла послала мне утешение в моих муках... Какого гостя привела милосердная Нэла!»

По дорогам, на перекрестке которых стоял «Веселый Медведь», обычно путешествовала публика неприхотливая и безденежная: паломники, пьяницы-менестрели и лесные охотники. Реже заглядывали в таверну крестьяне, ездившие в Агар прикупить того, чего в их деревнях нипочем достать было нельзя, – народ насколько зажиточный, настолько и прижимистый; странствующие торговцы, норотившие расплатиться за стол и постель всякой дрянью, не стоящей и гнилого яйца, да бродячие маги – люди нечестные, мутные и опасные. Трижды случалось, что пролетали по дороге по каким-то своим неведомым делам королевские рыцари в сопровождении многочисленной свиты – это было самое лучшее. Осадит коня какой-нибудь в пух и прах разодетый оруженосец, гаркнет: «А ну, подать вина герцогу такому-то!..» Риф выбежит, на ходу кланяясь в ноги (он это откуда-то умеет, даром что балбес, не спотыкается), подаст оловянный кубок, наполненный из единственного неприкосновенного бочонка с вином, который Патен купил в тот же год, когда приобрел и таверну. Оруженосец швырнет монету, подхватит кубок да и скроется в клубах пыли. И все три раза такие посещения оказывались для Рыжего Патена чрезвычайно выгодными. Во-первых, свита проезжающих аристократов расплачивалась за пару глотков кислого и вонючего пойла не какой-нибудь там медью, а золотыми монетами. А во-вторых, после долгих поисков Риф все-таки выуживал где-нибудь в сотне-другой шагов от таверны из придорожной травы оловянный кубок.

Незнакомец, осчастлививший своей персоной «Веселого Медведя» в тот вечер, был молод – вряд ли он видел на своем веку более двадцати пяти зим. Одежда его, хоть и пошитая из довольно дорогой ткани, была лишена всяких украшений. Насквозь пропыленный длинный дорожный плащ молодой человек снял, как только вошел в таверну, и перекинул его через плечо. Густым слоем пыль покрывала и сапоги путника, и его одежду. Остановившись на пороге, незнакомец тряхнул головой – серое пылевое облако слетело с его сразу засиявших под огненным светом белокурых золотистых волос. И отчего-то лишь тогда Патен разглядел, что этот человек – настоящий красавец. Тонко очерченное лицо его дышало благородством. Рослый и широкоплечий, молодой человек вовсе не производил впечатления верзилы. Он был безупречно изящен, как мог быть изящен молодой лев, если б какому-нибудь могущественному магу пришла в голову мысль наградить царственного зверя человеческой оболочкой.

«Должно, графский сынок какой-нибудь? – подумал Патен. – Только... чего это он один? И без оружия?.. Не иначе в передрагю какую-нибудь попал...»

Эта мысль потянула за собой другую: а вдруг парня ограбили по дороге, лишив тем самым возможности заплатить хозяину «Веселого Медведя» за услуги? Но, заметив на шее незнакомца толстую золотую цепь, мерцающую невиданными прозрачными камнями, Патен тревожную мысль сразу отбросил. От волнительного предвкушения скорой наживы брюхо тавернщика опять упруго зарычало, и рычание это мгновенно нашло ближайший выход наружу, заполнив помещение такими ароматами, что даже самому Патену стало дурно.

Путник, впрочем, не придавал этому конфузу никакого значения. Шагнув к ближайшему столу, он почти упал на скамью и, измученно сгорбившись, навалился локтями на столешницу.

– О-о!.. – стараясь дышать ртом и оглядываясь на подозрительно затрещавшее пламя масляного светильника, сочувственно проговорил Патен. – Молодой господин, кажется, порядком утомился?..

Незнакомец снова тряхнул головой, будто пытаясь прийти в себя.

– Ты прав, тавернщик, – глухо произнес он. – Я совсем обессилел. Скажи, далеко ли отсюда до Агара?

– Очень далеко, – ответил Патен. – Агар в целом дне пути. На восток надо ехать, ежели в Агар попасть хотите. Но вы и прибыли с востока. Я вот как думаю, Агар вы проехали, потому что не на том повороте свернули. Но это ничего. Отдохнете у меня пару дней, а потом и двинетесь снова в путь.

Молодой человек кивнул.

– Значит, – проговорил он, специально ни к кому не обращаясь, – я уже оставил Агар далеко позади.

– Так вы не в Агар направляетесь? – догадался Рыжий Патен. – А куда? Я с радостью укажу вам дорогу. Но сперва вам необходимо перекусить и хорошенько выспаться.

– Я... умираю с голода, – помолчав, признался путник. – Подай мне скорее пару жаворонков в медовой подливе, свиную лопатку с белым вином и... пожалуй, подогретого яблочного крема.

Патен остолбенел. Обычно он потчевал гостей кукурузными лепешками, черными и красными колбасами и жареной курятиной. Для особо торжественных случаев он приберег в погребе полбочонка солонины и копченый бараний бок.

– Если молодой господин изволит подождать, – замычал рыжий тавернщик, – я велю слуге прямо сейчас сбегать поставить силки на жаворонков, но яблочного кр... кр... как вы сказали?.. у меня отродясь не водилось.

Молодой человек поднял голову и несильно пристукнул кулаком по столу.

– Тащи, что есть, – велел он. – И... погоди! Сначала подай охлажденного красного вина.

– Слушаюсь! – рявкнул Патен и самолично ринулся в погреб.

Пока он цедил из бочонка в дежурный оловянный кубок вино, к нему спустился Риф.

– Надо ж как парень коняку замучил! – возмущенно двигая редкими бровями, заговорил слуга. – Господин, а господин, рази ж так можно с коняками? Видать, передыху ей не давал совсем...

– Чего ты здесь трешься? – зарычал на него Патен. – Не видишь, господин проголодался?! Ну-ка, быстро собери ему на стол! Постой! – остановил он бросившегося выполнять приказ слугу. – На лошади поклажа есть какая-нибудь?

– Никакой нет, – отрапортовал Риф.

– Вали, – цыкнул на него Патен и нахмурился.

«Странный все-таки тип, – подумал таверщик, – непонятный. Оружия нет, поклажи нет... По всему видать – благородный, но разве такие налегке, безоружные и в одиночку странствуют? Даже у самого вшивого нищего под лохмотьями нож припасен. А этот...»

Но тут заблестала перед мысленным взором Патена золотая с камнями цепь, и ослепительные эти лучи затмили сомнения таверщика. Брюхо его снова взбурлило, и утробный залп сотряс земляные стены погреба.

Вернувшись в трапезную, Рыжий Патен с удовлетворением убедился, что незнакомец поглощает колбасы с меньшим энтузиазмом, чем поедал бы жаворонков в подливе или даже, наверное, тот самый неведомый яблочный крем. Принесенное таверщиком вино путник только пригубил – сразу же закашлявшись, он выплюнул его на пол и потребовал воды.

За окнами еще не почернело по-настоящему, а молодой человек уже отвалился от стола, трещавшего под тяжестью снеди и, с трудом моргая, потребовал отвести его в постель. Что и было тут же исполнено.

Ужиная колбасами, пощаженными аппетитом путника, Патен отдавал распоряжения почтительно вытянувшемуся у стола Рифу:

– Ты, значит, это... завтра чуть свет воды принеси наверх господину. Да не холодной, а погрей сначала. Чтобы господин умылся. А перед тем сходи в поле жаворонков добудь. Понял? И одежду ему вычисти. И сапоги тоже. Понял?

– Ага, – кивал Риф, – понял, да.

– Эх, – прожевав кусок колбасы, мечтательно проговорил Патен. – Кабы нам до конца года еще одного такого гостя... можно было б накопить деньжат и на новом месте отстроиться. Да! И еще, болван ты этакий! Ночью спать не вздумай. Сторожи у комнаты господина! Пес его знает, странный он какой-то, не могу никак понять: кто он такой из себя есть? Как бы не убежал, не заплатив. А ежели у него монет при себе не случится... Цепь-то его видал? С камнями-то?..

И снова воспоминание о золотой цепи оказало такое воздействие на недужную пищеварительную систему тавернщика, что в момент изменившаяся атмосфера трапезной заставила Рифа поспешно признаться в стремлении пойти на добычу жаворонков немедленно.

Таинственный путник проснулся чуть свет – когда Риф, зевая, еще растапливал печь. Слуга же услышал со двора плеск воды и громкое фыркание: постоялец умывался у колодца. Охая, Риф поспешил будить хозяина.

Когда путник, умывшись, вернулся в трапезную, его уже встречал самолично Патен, взлохмаченный и опухший со сна, но безупречно любезный.

– Доброго утречка, – согнувшись в поклоне, пожелал тавернщик, – раненько вы изволили подняться, молодой господин... Но, надо сказать, отдых в «Веселом Медведе» пошел вам на пользу. Вы прямо сами на себя не похожи!

Рыжий Патен нисколько не лгал и не подхалимничал. Сон смыл с лица молодого человека угрюмые тени страшной усталости. Путник, которому вчерашним вечером тавернщик дал все двадцать пять лет, нынешним утром выглядел не старше двадцати. Движения юноши, вчера тяжко-медленные, сейчас были быстры и энергичны. Золотые волосы, тщательно расчесанные, ниспадали на спину и грудь ровными прядями. Сияли начищенные Рифом сапоги, и одежда, из которой слуга тавернщика выбил пыль, выглядела свежей. И главное: во взгляде юноши заблестала сановная сила, почуяв которую Патен оробел.

– Подавай завтрак, – деловито распорядился юноша. – Да побыстрее! И вели своему слуге седлать коня.

Патен всплеснул руками.

– Да никак вы собираетесь сразу после завтрака отправляться в путь, молодой го... ваша милость?! – воскликнул он. – Великая Нэла, вы ж вчера, прошу прощения, едва живой были!

– И коняка заморенная, – робко подал голос Риф. – Рази ж можно так с конякой?..

– Я не собираюсь сидеть в этом курятнике до вечера, – резковато ответил юноша. – Поспеши с завтраком, тавернщик!

– Осмелюсь сказать, ваша милость, что жаворонок, которого вы вчера изволили спрашивать, еще не вполне готов, – произвел Патен еще одну робкую попытку удержать постояльца, умолчав, правда, о том, что пресловутый жаворонок не был еще даже ощипан. – И ваш конь...

– Неси, что есть, – отрезал незнакомец.

Поняв, что далее препираться бессмысленно, несколько сбитый с толку неожиданным изменением в поведении юноши, Патен побежал на кухню. А Риф отправился в конюшню.

Покончив с едой, путник приказал собрать ему провизии в дорогу. Патен набил едой самый большой мешок, какой у него был. Не сумев втиснуть в мешок копченый бараний бок, тавернщик принялся заворачивать мясо в кусок драной холстины, лихорадочно фантазируя о том, что было бы еще неплохо присовокупить к запасу провианта бочонки с солониной и вином: их можно связать вместе веревкой и разместить по обе стороны седла. Но вернувшийся из конюшни незнакомец бесцеремонно развеял сладкий дым мечтаний Рыжего Патена. Отпихнув ногой сверток с копченой бараниной, юноша вытряхнул из мешка добрую половину и сам мешок бросил на руки безмолвно следовавшему за ним Рифу.

– Подай вина, – приказал тавернщику. – Постой... Кроме той кислятины, которой ты едва не отравил меня вчера, другое есть?

– Нет, ваша милость, – пискнул Патен.

– Тогда принеси пива.

Когда юноша допил пиво и Риф со двора крикнул, что молодой господин может хоть сейчас отправляться в путь, поскольку конь оседлан и мешок с провизией накрепко приторочен, Патен, чувствуя закипающее в брюхе урчание, шагнул к юноше и несмело осведомился:

– Не угодно ли вашей милости расплатиться?

– Сколько с меня? – спросил тот.

– Два золотых гаэлона, – удивляясь собственной наглости, определил Патен и тут же затараторил: – Потчевал-то как, ваша милость! А за конем ухаживали, ровно как за родным сыном! И по нашим-то временам, ваша милость, цена эта совсем не велика...

Юноша хлопнул себя по карманам и вдруг нахмурился.

– Вот что, тавернщик, – сказал он. – Денег при мне сейчас нет. Но даю тебе слово рыцаря: как только прибуду на место, я пошлю человека, чтобы он сполна рассчитался с тобой за твою доброту.

Рыжий Патен онемел.

– Имени своего я назвать тебе не могу, – закончил незнакомец, – могу лишь уверить, что в обиде ты не останешься.

Сказав это, юноша повернулся и направился к выходу.

В брюхе тавернщика словно забила крыльями птица. А в голове оглушительно лопнул розовый пузырь надежды на хорошую поживу. Пухлое лицо Патена мгновенно налилось кровью.

– Риф! – заревел он что было мочи. – Риф! Быстро ко мне, болван! Риф!..

Через короткий промежуток времени, за который можно было сделать не больше десяти вдохов и выдохов, юноша закончил заново укреплять

привязанный к седлу нерадивым слугой мешок с едой и сунул ногу в стремя, готовясь прыгнуть на коня. В это же мгновение во двор вылетел Рыжий Патен. Следом за тавернщиком со ступеней крыльца скатился Риф.

Путник обернулся и удивленно поднял брови.

– А ну стой, ваша милость! – проорал Патен. – Стой, кому говорят!!! Дураков нашел, да, ваша милость?! Мы его обхаживали, будто невесту, а он – вона как! Не на тех напал! Ежели денег нет, так сымай цепь с шеи – вот как я тебе отвечу, ваша милость!

Завершив свою тираду, Патен болезненно сморщился, колыхнул брюхом и подкрепил слова мощным и зловонным выстрелом.

Юноша расхохотался.

Вид тавернщика и его слуги и правда был довольно потешным. На башке Рыжего Патена красовался преогромный ржавый шлем, украшенный облезлым плюмажем. В одной руке толстяк сжимал иззубренный меч, а другой удерживал большой круглый щит. Выглядывавший из-за спины хозяина Риф тискал в руках шипованную булаву.

Патен недолго бы прожил в этом глухом месте, если б ему не повезло завести дружбу с Лесными Братьями. Разбойники нередко захаживали в «Веселого Медведя» запастись выпивкой и платили всегда по-разному. Иной раз щедро. Иной раз – не давали и монетки. А иногда оставляли Патену в награду за бутылку другую кукурузной водки что-нибудь из своей добычи.

– Я что ж, болван безмозглый, по-твоему, ваша милость? – выкрикнул уязвленный смехом юноши тавернщик. – Я все понимаю! Ежели рыцарь едет без снаряжения и оружия да еще имя свое скрывает, значит, дело тут нечисто! Значит, в беде он, и никто его особо искать не станет. А ежели кто-то и станет – пусть! Я да Риф знаем, что сказать, а вороны и волки разговаривать не умеют. Слово он дал!.. Да на твое слово мне – тьфу! И растереть!

Незнакомец отсмеялся и посерьезнел.

– Ты глуп, таверщик, – сказал он. – Именно по этой причине я намеревался простить тебя и не отнимать ничемную твою жизнь. Но, насмехаясь над словом рыцаря, ты оскорбил не только меня. Даю тебе последний шанс – бросить оружие, опуститься на колени и умолять меня о прощении...

Патен не дал юноше договорить. Заглушая страх неистовым воплем, он ринулся в атаку. За ним, тонко повизгивая, побежал Риф, размахивая булавой.

Гархаллокс быстро шел – почти бежал – по коридорам Дарбионского королевского дворца. Подол длинной белой мантии сухо шуршал по каменному полу. Редкие пегие волосы, сохранившиеся только на висках и на затылке, были перехвачены белой лентой. При ходьбе Гархаллокс опирался на посох белого дерева. Никакой магии не было в этом посохе – Гархаллокс использовал его исключительно ради удобства передвижения. И одежду мага не пропитывали заклинания, и амулетов не было при Гархаллоксе... Как не было на груди и золотого медальона в виде солнечного круга, оплетенного древесными ветвями, – знака архимага Сферы Жизни. Потому что Гархаллокс не являлся больше архимагом. Первый королевский советник – такую должность он занимал теперь при дворе. Стражники, которых он изредка встречал в коридорах, почтительно кланялись. Гархаллокс, не глядя, кивал и спешил дальше.

Он направлялся в Башню Силы – именно так называлась теперь башня архимага Сферы Жизни. Именно там теперь находились покои короля Гаэлона – Константина Великого. Кто из вельможных льстецов прикрепил это прозвище к имени нового монарха, так и осталось неизвестным – главным образом потому, что авторство оспаривал каждый второй придворный.

Почти пустынно и очень тихо были коридоры. А ведь еще совсем недавно дворец переполняли толпы разряженных вельмож, съехавшихся на коронацию нового властителя Гаэлона, в каждом зале надрывались музыканты; нагруженные подносами со снедью и кувшинами с вином, сновали слуги, то и дело натываясь друг на друга и на нетрезвых гостей, получая заслуженные подзатыльники и пинки.

С коронацией пришлось поспешить, да особым размахом она не впечатляла. Вести о смерти старого короля – Ганелона Милостивого – уже успели раскатиться по большей части великого королевства. И вести эти всколыхнули

Гаэлон, будто обрушенная на спокойную гладь озера каменная глыба. И, словно круги по воде, побежали от центра волнения к далеким берегам тревожные слухи. Кто займет престол Гаэлона?

Знать Дарбиона и его окрестностей прочила в государи доблестного рыцаря сэра Эрла, возлюбленного королевской дочери, ее высочества принцессы Литии. Но рыцарь и принцесса бежали из дворца. Это, с одной стороны, породило новую волну самых невероятных слухов (которые не прекратились даже после официального объявления о том, что горный рыцарь и принцесса были похищены злодеями-колдунами, выдававшими себя за рыцарей Братства Порога – сэра Оттара и сэра Кая), а с другой – дало надежды прочим особам голубых кровей.

Во всяком королевстве найдется бесчисленное множество дворян, уверенных в том, что именно их род древнее и славнее всех прочих и, конечно, является ветвью рода королевского, а значит – более других достоин продолжить династию. Нельзя было допускать смуты бесцарствия. Новой власти следовало заявить о себе быстро.

Что и было проделано.

Новый повелитель водрузил на главу символ государственной власти – золотую корону властителя Гаэлона. И теперь всякий, кто посмеет претендовать на престол королевства, окажется в разряде преступников, вздумавших сопротивляться законной монаршей власти.

Никто из прибывших в Дарбион феодалов не осмелился вслух удивиться, а тем более возмутиться тому, что на престол великого королевства восходит невесть откуда появившийся маг, в жилах которого не течет ни капли королевской крови. Ну так ведь владения тех, кто явился на коронацию, располагались поблизости от Дарбиона, уже изведавшего небывалую силу короля-мага. А что до знати дальних рубежей королевства... Очень скоро и ей придется признать могущество новой власти. Признать или погибнуть. Ибо нет и быть не может силы, способной противостоять силе короля-мага Константина Великого!..

Гархаллокс пересек южное крыло королевского дворца и по короткой лестнице спустился в один из отсеков внутреннего двора. И остановился перед воротами

высокой стены, окружавшей Башню архимага Сферы Жизни, шумно дыша. По привычке рука бывшего архимага потянулась к груди, на которой когда-то сиял золотой медальон, открывавший ворота. Медальона не было. Первый королевский советник поморщился и положил на обитую светлым металлом створку ворот открытую ладонь.

Привратник помедлил шесть или семь ударов сердца, прежде чем открыть. На миг Гархаллоксу показалось, что привратник колебался, открывать или нет. И он снова поморщился.

Створки беззвучно и легко разъехались в разные стороны. Маг-привратник, молча склонив голову, на которой высился остроконечный колпак, отступил в сторону, освобождая путь. Серый балахон и колпак мага были расписаны диковинными письменами, значения которых бывший архимаг не знал.

Гархаллокс сделал несколько шагов и ступил в Башню Силы. Он начал подъем по винтовой лестнице, казавшейся бесконечной. Когда-то этот подъем давался ему легко – магия знака архимага Сферы Жизни придавала силы своему обладателю; это было что-то вроде побочного эффекта. Но сейчас, достигнув только третьего яруса, Гархаллокс остановился, взявшись за сердце и тяжело дыша. Он ведь уже далеко не молод, неумолимая стрелка на циферблате его жизни опускается все ниже и ниже – к могиле. И он... больше не использует магию. Вытерев пот со лба, успокоив дыхание, Гархаллокс продолжил путь по крутым ступенькам.

На пятом ярусе из-за плотно закрытой двери раздавалось какое-то гудение, прерываемое короткими и резкими шипящими всплесками – словно комья пламени падали в ледяную воду. В то время, когда Башня Силы называлась Башней архимага Сферы Жизни, здесь была трапезная. А теперь?.. Гархаллокс поборол искушение открыть дверь и посмотреть, что же там происходит.

«Да и к тому же, – безуспешно пытаюсь подавить горькую досаду, подумал он, поднимаясь на шестой ярус, – дверь заперта магией – просто дернув за ручку, ее не открыть. Можно, конечно, постучать, но... К чему отвлекать занятых людей ради пустого любопытства?»

«Старый дурак! – тут же злорадно ответил ему внутренний голос. – Ты не постучал, потому что боишься, что тебе вовсе не станут открывать!»

На шестом ярусе было дымно и пахло паленой шкурой. Из-под закрытой двери по каменным плитам пола хлестали яркие лучи желтого света, звериный натужный вой раздавался за дверью и гортанные вскрики – голосом человека, но на нечеловеческом языке.

На седьмом ярусе было тихо и почему-то очень холодно. Дыхание первого королевского советника инеем осело на бороде и усах, пока он поднимался к восьмому уровню.

Из-за двери, закрывающей восьмой уровень от лестничного пролета, раздавался многоголосый заунывный плач – и такой тоской повеяло здесь, что Гархаллок почувствовал, как зашевелились и встали дыбом волоски на загривке.

Он поднялся на последний, девятый ярус и остановился, опершись о стену и восстанавливая дыхание. Дверь девятого яруса была почти вдвое больше дверей, ведущих в нижние ярусы, и двустворчатая. Раньше под действием заклинания она открывалась, как только Гархаллок делал к ней шаг. Раньше на девятом ярусе располагались покои Гархаллока – архимага. Сейчас створки остались неподвижны, хотя Гархаллок подошел к двери вплотную. Он положил на нее ладонь и едва сдержался, чтобы не отдернуть руку: кожу первого советника прошили невидимые искры сильнейшего магического заряда. Коснувшись двери, Гархаллок ощутил, что она вибрирует от наложенного на нее мощного заклинания. Незнакомого заклинания!

– Кто ты и зачем тревожишь его величество? – спросили за дверью.

Теперь бывший архимаг почувствовал раздражение.

– Я – первый королевский советник. Я пришел говорить с королем Гаэлونا, его величеством Константином Великим – так должен был ответить Гархаллок, но вместо этого он неожиданно для самого себя произнес: – Я – Указавший Путь. Я пришел говорить с Тем О Ком Рассказывают Легенды.

Почему Гархаллок употребил условные имена, которые использовались еще тогда, когда путь к власти над королевством виделся долгим и трудным, когда они с Константином были всего лишь заговорщиками, собиравшими силу, он и сам не понял.

Десять или пятнадцать ударов сердца за дверью висела тишина. Потом створки распахнулись. И огненная тьма хлынула из открытой двери на лестничные ступени. Гархаллоксу пришлось сделать над собой усилие, чтобы переступить порог.

Он вошел в помещение, которое было когда-то его личными покоями. Как же все здесь изменилось!

Исчезли перегородки меж комнатами, и девятый ярус превратился в единый огромный зал с очень высоким куполообразным потолком. Окна заложили камнями, так что ни единого лучика света не просачивалось сюда. Всюду горели факелы на стенах и расставленные явно не наугад напольные светильники – и их пламя раскрашивало тьму кроваво-красным. Но главное – посреди зала высилась странно-уродливая конструкция, чем-то напоминавшая поставленное на обод гигантское тележное колесо, внутри которого располагалась целая система колес поменьше, оскаленных искривленными клинками, похожими на лезвия крестьянской косы. Колеса эти скреплялись друг с другом металлическими трубками, дугами, невиданными механическими суставами и цепями на блоках...

Вокруг конструкции медленно шевелилось с десяток магов в островерхих колпаках. Из-за того, что все эти маги были одеты в серые балахоны, их едва можно было разглядеть даже при свете факелов и светильников. Если чуть отвести в сторону глаза, казалось, будто это тьма копошится в самой себе. И еще – здесь было тихо. Угрюмо молчала устрашающая громада диковинной конструкции, лишь некоторые из магов чуть слышно бормотали что-то себе под нос.

– Указавший Путь? – раздался позади окаменевшего от изумления и испуга Гархаллокса знакомый хриловато-потрескивающий голос. – А мне подумалось, что давно уже пора перестать скрываться и прятать за нелепыми прозвищами свои истинные имена.

Гархаллокс медленно обернулся.

В шаге от него стоял одетый в серую сутану человек довольно высокого роста, но сгорбившийся так, что без усилий, наверное, мог коснуться рукой пола. Никакой растительности на его лице и голове не наблюдалось, и кожа его в

огненном свете отливала зелено-серым. Но ярко-красным горели раскосые глаза, ослепительно белели длинные, похожие на клыки, зубы – сейчас оскаленные в улыбке... И резко выдавался вперед крупный кривой нос, похожий на клюв хищной птицы. Это был Константин. Его величество король Гаэллона Константин Великий.

Гархаллокс подавил дрожь, в который раз напомнив себе: совсем не так выглядел когда-то его старый друг и соратник Константин, Тот О Ком Рассказывают Легенды. Облик его изменился от частых посещений Темного мира – места, где Константин совершенствовал свое искусство магии. Это был непреложный Закон Миров: материя подчинялась условию мира, в котором находилась. Поэтому теперь Константин стал походить на обитателей Темного мира – демонов. Жуткому преображению способствовало еще и то, что уже очень давно Константин перестал употреблять привычную для всех людей пищу. Он поддерживал жизненные силы магическими снадобьями, ингредиенты для которых находил все в том же Темном мире...

«Только лишь облик изменился, – сказал себе Гархаллокс. – Только облик. А сам Константин остался таким, как был», – мысленно проговорил он, и снова горькое понимание того, что он ошибается, укололо сердце.

– Так зачем ты меня побеспокоил? – спросил Константин. – Я занят. И у тебя, насколько я знаю, немало своих дел.

– А чем ты занят? – заговорил Гархаллокс, отметив, что сказал вовсе не то, что собирался. – Что... здесь такое?

Константин удивленно хмыкнул.

– Тебя это действительно интересует? – спросил он. – Прости, но я не собираюсь рассказывать. Это слишком долго. И слишком сложно для тебя.

– Ну да, – качнул головой Гархаллокс. – Твоя магия теперь сложна для меня... архимага.

– Бывшего архимага, – уточнил Константин. – Зачем ты заставляешь меня в который раз объяснять тебе очевидное? Сотни лет люди делили магическое искусство на четыре Сферы. И маг – какими бы выдающимися способностями ни

обладал – должен был изучать только одну Сферу. А разве можно познать цельную картину мироздания, если видишь и понимаешь лишь малую его часть? Много-много веков среди людей не было никого, кто в равной мере изучил бы все четыре Сферы. Конечно, рождались и такие, кто задавал себе вопрос: почему бы не попробовать? Но каждый раз получал один и тот же ответ: потому что человеческий разум не в силах объять все четыре Сферы магического познания разом! И в этом заключалась ложь. Не всякий человеческий разум в силах объять все четыре Сферы магического познания разом – вот каков правильный ответ! Я стал первым, кому это удалось. Магия, разделенная на четыре части, бессильна перед их магией. Поэтому они в незапамятные времена и провели разделение. Поэтому я и упразднил Сферы. Пока только в Дарбионе. В других городах... такое предпринимать пока рано. Придет еще время. Пока что хватит запрета практиковать магию колдунам-недоучкам, лесным ведьмам, ведьмакам, ведуньям и травникам – что работают вне Сфер. Эти кустари от магии слабы, но... кто знает? Мне не нужны конкуренты и потенциальные противники. Вся человеческая магия должна контролироваться только мною!

– У тебя еще недостаточно учеников, – глуховато продолжил за него Гархаллокс.

– Да, верно. Молодые маги, не успевшие закоснеть в установленных рамках, – их мало. Но и сейчас они сильнее всех этих замшелых магистров, только и умеющих хранить в башках с детства затверженный свод определенных заклинаний своей Сферы, свод, который не менялся и не обновлялся веками! Маги Сфер давным-давно разучились думать.

– Чушь! – резковато проговорил Гархаллокс. – Твои маги сильны не поворотливостью мозгов! Ты попросту накачиваешь их великой мощью, источник которой...

– Источник которой – я сам! – твердо ответил Константин, и Гархаллоксу вдруг показалось, что это сказал не он. А кто-то иной вымолвил слова его устами.

– Они – марионетки твоей воли, – сглотнув, понизил голос Гархаллокс.

– Конечно. А как же иначе? – усмехнулся король-маг.

«А ты... чья марионетка?» – едва не вырвалось у Гархаллокса.

Впрочем, Константин, кажется, успел прочесть его мысли. По крайней мере, это не составило бы ему никакого труда. Он нахмурился.

– Ты хочешь сказать, что Великий Чернолицый ведет меня? – осведомился Константин. – Ты глупец, мой старый друг! Он дает мне силу, для тебя это давно не секрет. Но эта сила – моя сила! Оставь мне магию. В этой области я гораздо более сведущ, чем ты... чем кто бы то ни было. Твое дело – работать с людьми.

– Вспомни, зачем мы затевали все это? – сказал Гархаллокс. Обращение «старый друг» вдохновило его на эту речь. – Вспомни, чему мы посвятили свои жизни? Мы хотели освободить человечество от вековой подспудной власти тех-кто-смотрят. Мы хотели создать Империю, которой управляют те, кто знает Истину; Империю, которой правят люди. Империю, свободную от влияния тех-кто-смотрят!..

– Говорю тебе, – прервал его Константин. – Не бойся называть вещи своими именами! Прошло время, когда мы опасались, что они – эльфы – услышат нас, если мы будем говорить о них. Теперь нечего бояться. Оглянись вокруг! Тысячелетия эльфы просто использовали людей, чтобы те закрывали Пороги от ужасных Тварей, что рвутся в этот мир! Только лишь для этого, для обеспечения собственной безопасности и собственного спокойствия нужны были эльфам люди! Когда людей стало так много, что они создали королевства, когда королевства начали воевать между собой – Высокий Народ испугался. То ли того, что Пороги останутся без внимания, то ли того, что образовавшаяся в результате войн могущественная Империя станет конкурентом в деле господства над миром. Неважно! Высокий Народ решил проучить человечество, истребив большую его часть! Они успешно завершили то, что задумали. И назвали эту бойню Великой Войной, придумав и вложив в человеческие уста легенду, искажающую правду... Лживую легенду о Цитадели Надежды, об отчаянном героизме последних выживших людей. Все было не так! Люди никогда не одерживали верх над Высоким Народом! Это Высокий Народ заставил их так думать...

Холодная ненависть звучала в голосе Константина. Он говорил и не мог остановиться. И Гархаллокс не прерывал его, хотя все, что тот говорил, он знал и сам. Просто сейчас Константин так был похож на себя прежнего!

«Как бы сильно он ни изменился, – невольно подумал бывший Архимаг, – ненависть к эльфам не умрет в нем никогда. Она давно и навечно пропитала его душу...»

– А потом они придумали Великий Договор Порогов, по которому правители всех королевств обязаны были содержать три Крепости на трех Порогах. И соблюдение этого Договора эльфы возвели в ранг священной обязанности! – Константин уже шипел, а не говорил. – После Великой Войны минули века! И человечество забыло о бойне! Помнили и ненавидели лишь единицы – те, у кого ненависть осталась в крови. Как есть подсознательное отвращение и ненависть к ядовитым паукам у тех, кому пауки никогда не вредили. А для всех остальных людей Высокий Народ вновь превратился в высшую расу прекрасных существ, живущих почти вечно, хранящих мудрость бесчисленных тысячелетий. Как охотно человек признается в своей слабости и мерзости только для того, чтобы верить: помимо этой мерзости есть и другая жизнь, полная одних наслаждений, – вечная и восхитительная! Сколько слюнявых сказочек сложили они... – Константин махнул рукой вниз, на королевский дворец, молчавший под Башней Силы, на весь Дарбион, на весь Гаэлон. – Для них всех эльфы – распрекрасные и наимудрейшие существа, почти боги! Которые способны дарить знания и богатство! Которые способны преподнести и высший дар: забрать наиболее достойных или особенно удачливых в свои Чертоги, где даже смертный способен наслаждаться вечно, не ведая ни трудов, ни забот... Хотел бы я узнать, что на самом деле происходит с теми, кого эльфы забирают к себе?.. Да! Так Высокий Народ убаюкивает здравый смысл человека. И люди не понимают и вряд ли когда-нибудь поймут, что эльфы – вот истинные их пастыри, вершащие судьбы целых королевств! Вот те, кто на самом деле управляет всем и вся. Теперь они не воюют. Теперь они действуют другими методами. Ты знаешь, старый друг, историю Шести Королевств. Едва только наметится династия, способная объединить под своей властью два государства, появляются они – Высокий Народ – и представители этой династии с блаженной улыбкой следуют за добренькими эльфами в их Тайные Чертоги. И для остальных людей исчезают навсегда. Так грядущую Империю, способную их силе противопоставить свою, – губят еще в зародыше. Они правят исподволь, не показывая истинного лица. Деля магию на Сферы, потихоньку убирая опасных... Направляют и дергают за ниточки. И лгут, искусно лгут! Все для того, чтобы люди служили им, защищая мир – их мир – от Тварей Порога!

– Я знаю это... – начал было Гархаллокс.

– Ты знаешь! Но и ты – один из немногих, кто знает, – все еще боишься! Иначе почему ты употребляешь это трусливое «те-кто-смотрит», говоря о них? А я – не боюсь! И мои ученики, напоенные моей силой, – не боятся.

– Когда мы только начинали, – сказал все же Гархаллокс, – мы рассчитывали победить силой людей. Вот эта победа была бы настоящей...

– Настоящей?! Кто пойдет против Высокого Народа? Для человечества сражаться с эльфами – глупая и смешная бессмыслица! Они... – Константина даже перекосило, – любят их! Ты ведь сам понимаешь, что неразумно открывать наши истинные цели тупоумным вельможам, темному простонародью, чванливому рыцарству, завязшим в вековых догматах магам Сфер. Нас никогда не поймут. Нам нужно действовать! И мы уже многого достигли! Величайшее королевство людей Гаэлон – наше!

– Побег сэра Эрла и принцессы ослабил наши позиции. В Дарбионе и окрестностях не прекращают говорить о том, что горного рыцаря вовсе не похитили. Что он бежал со своей возлюбленной и со своими друзьями.

– Народ любит романтические истории. Но ничего... Принцесса вернется во дворец. Чего не могу обещать в отношении других беглецов. Я уже позаботился об этом. Да разве об этом стоит переживать? Это не столь важно... Главное, что у нас есть сила! Главное, что мы контролируем Гаэлон!

– Но только центральные земли, – возразил первый королевский советник. – Гаэлон огромен, весь он – целиком – еще не признал твою власть. Для феодалов дальних земель королевства ты – узурпатор, случайно захвативший престол. В тебе нет королевской крови. И... ты великий маг, Константин, но ты совсем не знаешь людей, потому что презираешь их. Слухи не умирают так просто. Слухи рождают смуту.

– Я доберусь и до дальних рубежей, – оскалился король-маг. – И скорее, чем ты думаешь... В Марборне, Орабии, Кастарии, Крафии и княжестве Линдерштерн у власти стоят наши люди!

– Их власть держится на волоске. В этих королевствах царит кровавая неразбериха. Пока не совсем ясно, кто одержит верх.

– Моей силы хватит и на них!

– Твоя сила... родит еще большее кровопролитие! Нужно действовать другими методами!

– Дипломатия! – презрительно усмехнулся Константин. – Влияние исподволь... Это метод Высокого Народа!

– Но...

– Все! – оборвал своего советника король. – Хватит! У меня нет времени. Говори, зачем пришел? Ведь цель твоего визита вовсе не эти бесконечные разговоры, которыми ты мучишь меня столько времени.

– Да, – ответил Гархаллокс. Он мучительно сморщился, с трудом уходя от волнующей его темы. – Да... Я вот зачем пришел к тебе. Ты подписал указ казнить Исиаха, смотрителя королевского дворца.

– Да, – успокаиваясь, сказал Константин. – Я решил казнить предателя. Разве ты не помнишь, что он сделал? Он помог бежать ее высочеству принцессе Литии и трем рыцарям Порога. Это неслыханное по дерзости преступление, и предатель должен быть казнен!

– Но ведь... мы расследовали этот случай, и следствие зашло в тупик! Осталось двое главных подозреваемых: смотритель королевского дворца Исиах и первый министр Гавэн. Их вина так и не была доказана...

– И тот и другой, – ровно проговорил король-маг, – лучше прочих знают потайные ходы в дворцовых стенах, а беглецы ушли – из-под твоего, кстати, носа – как раз потайными ходами. К тому же Гавэн – родной дядюшка сэра Эрла.

– Но ты прочитал их мысли! – вскричал Гархаллокс. – Оба – невиновны. Оба – не совершали этого преступления!

– Кто-то все равно должен быть виновен, – веско возразил Константин. – Что же я за монарх, если такое преступление оставлю без наказания? Не могу же я казнить Гавэна? Он слишком ценен – он нужен нам во дворце.

– Но... это несправедливо! И неправильно.

– Мой старый друг, – ухмыльнулся Константин, – правила диктуют победители. К тому же необходимо показать, как мы поступаем с предателями. Одно из самых

смертоносных оружий – страх.

– Напротив, люди больше любят милосердных!

– Люди не уважают милосердных, – помрачнел Константин. – И мне... не нужна любовь. Мне нужен страх. Любовь непрочна. А страх означает признание силы.

– Когда-то мы хотели принести в этот мир Истину, а не страх, – заметил Гархаллокс.

– Круг Истины, – кивнул Константин. – Так ты назвал наше общество... тайное общество.

– И тебе никогда не нравилось это название.

– Я был против любого названия. Любой символики, любых тайных знаков, по которым посвященные могли бы отличать друг друга от прочих. Подобные игрушки, в которые так любят играть люди, погубили не одно великое начинание. Скажешь, что я был не прав? Мы достигли своего. Наш... Круг Истины... достиг своего.

– Мы достигли лишь того, чего достигли. И с того самого дня между нами – между Указавшим Путь и Тем О Ком Рассказывают Легенды – легла черная трещина, которая со временем превратилась в пропасть. Старый друг, я не хочу, чтобы эта пропасть становилась все больше!

– Эта пропасть в твоей голове! – прорычал Константин, обнажив клыки. – Пойми, наконец, я не враг тебе. Я хочу того же, что и ты! Я предоставил тебе право действовать твоими методами во имя нашей общей цели. Я подписываю каждое твое прошение... почти каждое!

– Я скован по рукам и ногам, – всплеснул руками бывший архимаг. – Что я могу? Что значит мое слово?! Я не король! Король – ты!

– У тебя есть власть моего имени.

– Она действительна лишь на небольшой части Гаэллона! А ты целыми днями и ночами пропадаешь в этой башне, вместо того чтобы заниматься государственными делами. Переворотом мы достигли многого, но... мы теряем все то, чего достигли. Ты нужен во дворце, а не в Башне Силы! Ты должен бросить все силы на то, чтобы вернуть принцессу! Особа королевской крови значительно придаст тебе весу!

– Я же тебе говорил, я делаю это...

– Но результата нет! Ты должен убедить присягнувших нам феодалов нести твое имя в дальние пределы королевства!

– Разве я не подписывал такого указа? Разве этот указ не выполняется?

– Дело продвигается слишком медленно. Чересчур медленно. Присягнувшие тебе не готовы умирать за тебя. И народ... Народу нужен государь, а не маг-затворник. Народ не любит тебя. Народ тебя боится!

– Страх много сильнее любви.

– Мне не хотелось тебе говорить, старый друг... – решился Гархаллокс. – Но при дворе бродят нехорошие слухи. Говорят, в последнее время стали бесследно исчезать люди... И слухи эти уже вышли за пределы дворца. Потому что в Дарбионе тоже имели место несколько случаев, когда люди пропадали. Чернолицые наводнили Дарбион, они бродят по улицам города, закутанные в багровые полотнища; они строят свои храмы уже не тайно, а открыто. Никогда они не выходили к людям так часто и в таком количестве. Придворные боятся. И жители Дарбиона боятся. Мне кажется, страх... ослабляет веру в монарха.

– Страх сильнее любви, – в который раз повторил Константин. – И даже не в этом дело. Плевать мне на слухи. Я действую, а не разглагольствую. И поверь мне: то, что происходило во дворце и в Дарбионе, – под моим контролем. А значит, работает ради нашего общего дела.

– Помилуй Исиаха!

– Нет.

– Послушай меня...

– Нет. А теперь уходи. Мне нужно работать. Впрочем... можешь остаться и наблюдать. Я бы даже хотел, чтобы ты остался. Может быть, наконец, хоть что-то уяснишь для себя...

Первый королевский советник обернулся, поняв: в этом мрачном зале началось... то, что должно было начаться, – то, что собирался совершить здесь Константин. Маги, закончив таинственные приготовления, выстроились вокруг гигантского колеса в непонятном, но, очевидно, строго определенном порядке.

Константин выкрикнул слово на незнакомом бывшему архимагу языке – длинное и скрежещущее слово, будто составленное из невидимых черных льдинок. Вздрогнув от неожиданности, Гархаллокс обернулся к нему: король-маг светился, весь, с ног до головы, исходя крохотными потрескивающими голубыми молниями. Из его черного искривленного рта вырвался язычок белого пламени.

Это послужило сигналом.

Один из магов запел. Голос, звучащий из-под глубоко надвинутого капюшона, не был похож на человеческий. Он наводил на мысль о стылом ветре, воющем в расселине скал. Это жуткое пение подхватил другой маг – низким басом, почти рыком, напоминающим отдаленный гром. Третий зачастил визжащим речитативом, с отвратительной гармоничностью вплетающимся в общий музыкальный рисунок... который становился все гуще и ярче. Уже пел каждый маг, и пугающие, нечеловеческие звуки этой песни, казалось, обрели материальную силу.

Под ногами онемевшего Гархаллокса задрожали каменные плиты пола. Ровное алое сияние залило куполообразный потолок, но в этом сиянии не было тепла, а, напротив, ощущался леденящий холод.

Чудовищно мощная магия наполнила полутемный зал – Гархаллокс чувствовал ее каждой клеточкой тела. Но энергия эта не имела ничего общего с той, с которой он привык работать. Энергия магии Сферы Жизни отличалась от магии Константина так же, как капельная струйка теплого супа, потекшая с ложки, от ревущих потоков водопада, рожденного в ледниках горных вершин. Это было нечто несоизмеримо чуждое, дикое, первозданное, не предназначенное для

слабого человеческого разума и для неумелых человеческих рук...

Светильники и факелы вспыхнули ярче, напитанные силой звука. И тогда уродливая конструкция в центре зала пронзительно заскрипела, привлекая взгляд бывшего архимага. Он сейчас только заметил обнаженного человека – обрюзгшее бессильное тело, растянутое на цепях в самом центре круга.

Конструкция начала вращаться. Нет, гигантское колесо, содержащее в себе более мелкие детали, оставалось неподвижным. Закрутились – сначала очень медленно, а потом все быстрее и быстрее – малые колеса, засверкав укрепленными на них лезвиями. Суставчатые рычаги вращали их, цепи двигали стойки с рычагами и колесами по замысловатым траекториям. Гархаллокса так изумила одновременная точность движений, что он не сразу заметил: распятый на цепях человек в центре конструкции не изменил своего положения. И еще кое-что ускользнуло от внимания бывшего архимага: алое сияние на потолке перестало быть однотонным. Оно сгустилось в ровные линии, а линии образовали форму глаза с нечеловеческим, узким, горизонтальным зрачком.

Одно из колес, следуя по своей траектории, спустилось к человеку – взвизгнуло косо лезвие, глубоко разрезав голое плечо. Далеко брызнула кровь, и человек, будто очнувшись от дурманного сна, истошно закричал.

Бывший архимаг сразу узнал голос.

Это смотритель королевского дворца господин Исиах кричал посреди визжащих, оскаленных кривыми клинками колес.

Еще одно колесо, вынырнув снизу, вспорол лезвием ляжку смотрителя – и тут же еще одно оставило длинный кровавый след на груди.

Кривые клинки раз за разом резали тело Исиаха то с одной, то с другой стороны, то сверху, то снизу. Поначалу он кричал, но крик его очень скоро захлебнулся. И смотритель замолчал, запрокинув голову.

А бывший архимаг, первый королевский советник Гархаллокс все смотрел, как лезвия кромсают человеческую плоть. Как струи крови не льются вниз, а возносятся к потолку, теряя по пути капли, и вливаются в кроваво-алое изображение чудовищного глаза. И когда очередное лезвие взрезало наискось

горло зрителя так глубоко, что голова затылком коснулась спины, от изображения глаза на потолке во все стороны рванулись языки пламени.

А кошмарная конструкция остановилась.

Маги в серых балахонах затихли на полу, словно объевшиеся мяса волки. Гархаллокс, стараясь удержаться на ослабевших ногах и не упасть, повернулся к Константину. Того почти не было видно из-за ослепительного сияния голубых молний.

- Что это? - прошептал бывший архимаг. - Что это было?

- Ты узрел Огненное Око Блуждающего Бога, - раздалось из-за трескучей голубой завесы. - И Огненное Око узрело тебя.

- Это же не казнь... Это... жертвоприношение!..

- Это плата за силу, - ответил Константин, король-маг. - Силу, которая спасет все человечество!

Глава 4

Рыцарь Горной Крепости Порога сэра Эрла покачивался в седле. Вокруг него расстилалась необъятная степь, пожженная недавним зноем. Буро-желтая иссохшая трава хрустела под копытами коня, то и дело прыскали в траве, перебегая дорогу, серые полевые мыши, да изредка яркими рыжими пятнами мелькали недалеко юркие лисицы. Привычная тяжесть меча в пояском кольце не переставала радовать рыцаря. Хотя меч был и дурен, с иззубренным, скверно наточенным клинком, но еще вчера у Эрла не было совсем никакого оружия. А вот круглый щит, который сегодня утром рыцарь повесил себе за спину, оказался совсем неплох.

Сэр Эрл вспомнил, как ему досталось все это оружие, и не удержался от улыбки. Таверщик со своим слугой славно повеселили его. Конечно, за оскорбительные речи следовало бы хорошенько проучить их, но Эрл ограничился лишь тем, что

отсек тавернщику правое ухо отнятым у него же мечом. В назидание. А его слуга незамедлительно после этого бросил булаву и удрал в конюшню. Эрл не стал его преследовать: еще чего не хватало, гоняться за перепуганным мужиком по колону в лошадином дерьме!.. При воспоминании об отрубленном у тавернщика ухе Эрл вдруг подумал: «А брат Кай нипочем не стал бы этого делать...» – и хотел было усмехнуться. Но не усмехнулся. За время пути он часто и подолгу задумывался о болотнике. О том, кто же он такой?.. Нет, скорее, о том, почему он такой? Невероятно тяжелая служба на Болотном Пороге воспитала дух брата Кая. Его наставники – великие воины – сделали из него тоже великого воина. Но тем не менее все это не давало полного ответа на вопрос. Откуда в болотнике негибимая сила: каждый раз поступать так, как считает нужным именно он, – зачастую и вопреки всем и всему? Что-то еще таилось в глубине загадочной души рыцаря-болотника, будто когда-то сэр Кай на этих своих Туманных Болотах познал то, что не дано познать никому из обитателей всего остального мира...

Эрлу было важно ответить на этот вопрос. Потому что, как ни крути, а именно болотник, и никто другой, сберег жизнь и честь Литии. Сделал то, чего не смогли ни он, сэр Эрл, ни сэр Оттар.

И кто знает, если бы там, в Дарбионе, горный рыцарь сумел сделать то, что удалось сделать рыцарю-болотнику... нити судеб сплелись бы иначе, и в диковинном их сплетении нить судьбы Эрла обвивала бы теперь нить судьбы ее высочества принцессы Литии?..

Солнце, перевалившее зенит, грело рыцарю спину, а он, хоть и начал сегодня путь ранним утром, даже не думал об отдыхе.

Мысли его текли по совершенно иному руслу.

Еще несколько месяцев назад Эрл нес тяжкую и почетную службу на окраине великого королевства Гаэлон, в своей Крепости, запирающей один из трех Порогов, одно из трех страшных мест, где материя мироздания скалилась черной трещиной, сквозь которую из иных, неведомых и жутких миров ползли Твари. Тот Порог, близ которого провел всю свою жизнь Эрл, называли Горным. Или, иначе, Драконьим Порогом.

Эрл воспитывался в Горной Крепости с тех пор, как ему минуло семь лет. Когда ему исполнилось четырнадцать, он сразил своего первого дракона. На тот момент, когда ему пришлось покинуть Крепость, он давно уже потерял счет уничтоженным им Тварям.

Быть может, Эрл так и прослужил бы в своей Крепости до самой смерти, если б король Гаэлونا, его величество Ганелон Милостивый, не решил преподнести своей дочери, принцессе Литии, на день совершеннолетия подарок, который не мог позволить себе ни один из монархов, здравствующих ныне и правивших в давние времена.

Только могущественный Ганелон имел силу и власть распорядиться вызвать во дворец трех лучших рыцарей из трех Крепостей Порога – Горной, Северной и Болотной, – чтобы охраняли те рыцари жизнь ее высочества Литии. И Магистр Ордена Крепости Горного Порога сэра Генри послал в большой мир лучшего из горных рыцарей, своего единственного сына – сэра Эрла. Этот выбор одобрили и поддержали все воины Горной Крепости, ибо выбор был сделан по справедливости.

Эрл хорошо запомнил тот день, когда он после нескольких недель пути въезжал в Золотые ворота Дарбиона...

Клокотало яркое весеннее утро. Обочины дороги, по которой сверкающей железной змеей текла кавалькада всадников, кишели ликующими простолюдинами. По мере того как кавалькада приближалась к городским воротам, восторженные крики мало-помалу стихали: следом за рыцарями, сопровождавшими сэра Эрла, погромыхивали восемь подвод, в которых везли громадные рогатые черепа уничтоженных горным рыцарем драконов. Боевые трофеи сэра Эрла внушали ужас черни – люди, увидев оскаленные черепа, застывали на месте, распахнув рты. Впрочем, это оцепенение продолжалось недолго – как только кавалькада вошла в Золотые ворота, за городские стены начали выкатывать бочки с вином. Тут уж, в предвкушении дармового угощения, народ загорланил пуще прежнего.

Сэр Эрл прибыл в Дарбион первым из троих вызванных в королевский дворец рыцарей Братства Порога. Спустя неделю после его прибытия в столицу Гаэлونا пришел отряд рыцарей из Северной Крепости – суровых белобородых воинов-

мореходов, чьи родичи издавна и до сих пор наводили ужас на побережные поселения Вьюжного моря. По этому поводу большого праздника не случилось. Народ Гаэллона мало что знал о Северной Крепости, расположенной на далеком побережье Вьюжного моря, и о Тварях, появляющихся из-за Северного Порога, – неведомых морских чудищах. Для баллад, прославляющих подвиги рыцарей Порога, и жутковатых рассказов о схватках с ужасными страшилищами людям вполне хватало Горного Порога, который находился на территории королевства. Воины-северяне, получив полагающееся им продовольствие, незамедлительно повернули в обратный путь, оставив во дворце представителя своей Крепости – сэра Оттара.

А через месяц во дворец явился невысокий худощавый юноша – безоружный, в простой дорожной одежде, с большим тюком за плечами. Имя юноши было – Кай, и он назвал себя рыцарем Болотной Крепости Порога.

О Болотном Пороге обычные люди не знали ничего. И даже братья-рыцари Горной и Северной Крепостей не имели ни малейшего понятия о том, с какими Тварями болотникам приходится иметь дело.

Так стало угодно богам, чтобы сэр Эрл нашел в Дарбионском королевском дворце не только новое место службы. Боги даровали рыцарю возлюбленную. Боги даровали рыцарю возможность ступить на новый путь, ведущий к еще большей любви и славе.

Один из лучших воинов великого королевства, прославленный доблестью и ратными подвигами, представитель знатного и древнего рода юный рыцарь, красота и ум которого очаровали королевский двор и смутили сердце принцессы, – сэр Эрл вызвал почти сыновние чувства у Ганеллона Милостивого, властью богов лишеного наследника. Спустя лишь месяц после того, как сэр Эрл прибыл в Дарбион, королевский двор нисколько не сомневался в том, кто именно займет престол Гаэллона после смерти нынешнего правителя. Потому что не было во всем Гаэллоне и окрестных королевствах человека, достойного этого более, чем горный рыцарь сэр Эрл.

Так наверняка и случилось бы – сэр Эрл обрел бы корону, лишь только Вайар Светоносный призвал бы в свои небесные чертоги его величество Ганеллона Милостивого. Но взошла над землями людей небывалая Алая звезда, и привычный мир перевернулся и обрушился в муть кровавой смуты...

На горизонте показалась горная гряда. Углядев ее, Эрл даже рассмеялся от радостного облегчения. Серые Камни Огров – наконец-то! Рыцарь мгновенно прикинул, что если поспешит, то вполне может добраться туда до наступления темноты. Там можно и заночевать. А утром двинуться напрямик через Камни.

Близость Серых Камней радовала. Эрл был родом из этих мест, его детство прошло здесь, он знал эти земли и любил их. То был край неприступно высоких гор, на голубые заснеженные вершины которых никогда не ступала нога цивилизованного человека. Рассказывали, что там, далеко наверху, живут жуткие создания – полулюди-полузвери, красноглазые, покрытые длинной белой шерстью, ростом превышающие обычного человека втрое. Старики называли их глоги, снежный народ, и уверяли, что они – выродившиеся потомки древней и могущественной расы, существовавшей задолго до прихода в этот мир людей. Говорили, что там, на горных вершинах, еще сохранились кое-где развалины городов, до сих пор хранящих тысячелетние тайны и несметные богатства ушедшей в небытие расы, но никто и никогда не посмел проверить это.

А человеческих городов в Серых Камнях не было ни одного. Да и людей, живущих здесь, вряд ли набралось бы на один большой город! Серые Камни – жестокий край.

Склоны высоких гор щетинятся бесчисленными скалами, острыми, как пики; бездонные пропасти дышат ледяной чернотой, скалясь меж этими пиками; узкие речушки, берущие начало на заснеженных горных вершинах, спускаясь ниже, превращаются в настоящие бурные потоки убийственно-ледяной воды, то и дело сворачивающие со своего пути целые скалы, чтобы образовать новые русла... Не каждый путник, забредя сюда, может понять суровую красоту этих мест, и далеко не каждый сумеет здесь выжить. Это край, смертельно опасный для человека, непригодный для жизни человека. Лишь дикое зверье чувствует себя здесь как дома. Белые горные барсы, легко прыгающие по скальным отрогам; пещерные медведи, с обманчивой неуклюжестью бродящие по своим тропкам; стада диких коз, безо всякого труда передвигающиеся по уступам, с которых сорвался бы иной ловкий охотник; гигантские серые совы, повелители ночного неба; и гордые черные орлы, властелины неба дня...

Не только зверьем населены Серые Камни Огров. Потаенные скальные расселины прячут горных троллей – злобных существ, боящихся солнечного света, выходящих на охоту лишь в часы, когда сумерки окутывают землю. Но

вовсе не тролли представляют собой главную опасность для немногочисленных местных жителей. Серые Камни кишат племенами огров, испокон веков живущих здесь. Это совсем не те кочевые огры, которых частично приручили, частично истребили в равнинных и лесных землях. Издавна в Серых Камнях огры не боялись человека. Издавна в Серых Камнях огры привыкли жить без опаски. По этой-то причине они гораздо более развиты, чем их уничтожаемые человеком собратья. В горах полно зверья, поэтому горным ограм нет нужды кочевать с места на место в поисках пропитания. В обширных скальных пещерах они выстроили целые города; они давно уже не жрут добычу сырьем – жарят ее над пламенем костров или варят в самодельных глиняных горшках. Они научились выделывать одежду из звериных шкур и даже частично переняли у гномов, чьи подземные поселения также расположены в глубинах Серых Камней, мастерство добычи руды и производства настоящего металлического оружия. Правда, мечи, ножи, топоры и наконечники для копий из огрских кузниц выходили несуразно тяжелыми, с трудом поддающимися заточке и к тому же очень ломкими. С доспехами дело обстояло еще хуже. Редко-редко получалось у огрского кузнеца выковать панцирь, который бы, не стесняя особо движений, обладал нужной степенью прочности. Но все же равнинные и лесные огры не умели и этого!.. Самцы равнинных и лесных огров живут охотой, а самки собирают дикие ягоды и фрукты. Общество огров Серых Камней подразделяется на множество групп: охотники и воины, лазутчики и жрецы, кузнецы и мастера выделки шкур... Да кто их знает, на какие еще!..

И к тому же необычайно сильна грубая и жестокая магия огрских жрецов Серых Камней. Если охотник из деревни людей, погнавшись за зверем, вдруг заметит где-нибудь скальный выступ странного грязно-бурого цвета, усеянный белыми костями, он наверняка тут же забудет про добычу и, бросив оружие, чтобы легче было бежать, кинется обратно в деревню. Жуткими рассказами о человеческих жертвоприношениях, с помощью которых жрецы выманивают у своих злобных духов ментальную силу, в этих землях пугают не только детей, но и взрослых.

Лишь в редких местах угрюмые камни расступаются, обнажая небольшие долины, где земли едва-едва достаточно для пахоты. В каждой долине непременно высится замок, сложенный еще в незапамятные времена предками теперешнего хозяина, и деревенские хижинки лепятся к стенам этого замка.

Серые Камни Огров потому так и назывались, что многие в Гаэлоне считали их законной огрской территорией. Многие, но только не люди, живущие в Серых Камнях и привыкшие день ото дня отстаивать свое право на жизнь без страха.

Право Человека. Численность огров в этих страшных горах в сотни раз превышала численность людей. Но, кажется, огр опасался человека больше, чем человек ога. В старину, говорят, случалось и такое, что несколько огрских племен объединялись, чтобы захватить один-единственный замок, но осажденные сигнальными кострами испрашивали помощь у соседей. И помощь приходила. И громыхали в долинах Серых Камней такие сражения, что земля насквозь пропитывалась кровью, уже не имея возможности поглощать ее. От грохота огрских боевых барабанов, от рева военных труб ратников-людей даже орлы не осмеливались кружить над долиной. Никогда за всю историю человека в Серых Камнях Огров ни один замок не был взят.

Но то жестокое время большого кровопролития давным-давно минуло. Ограм не удалось ни истребить человека, ни изгнать его из Серых Камней. Горные долины так и остались владениями рыцарей замков. И в истории отношений человека и ога началась новая эра.

Многие огрские племена признали за людьми право сильнейшего. Охотники из людских деревень беспрепятственно поднимались в горы, крестьяне возделывали поля в долинах, не боясь, что плоды их тяжелого труда будут захвачены в результате кровавого набега. Постепенно огры из племен, которые люди стали называть мирными, начали спускаться к людям. Вовсе не за тем, чтобы убивать и грабить, нет. Диковинные вещи, секрет изготовления которых не сумел постичь пока скудный огрский разум, влекли их. Многострельные охотничьи арбалеты, искусно выделанная кожа и теплые, мягкие плащи из овечьей шерсти, прочные и легкие изделия из металла, жирные овцы и куры, выращенные людьми злаки, фрукты и овощи. Все эти вещи огры обменивали на туши диких коз и шкуры барсов и пещерных медведей.

Старейшины подземных огрских городов и рыцари-феодалы, хозяева замков в долинах смотрели на подобную торговлю сквозь пальцы, следили только, чтобы при встречах людей и огров не происходило конфликтов.

Но не нужно думать, что люди сдружились с огами. В этих землях, скорее всего, никогда такого не случится. В человеке еще жила древняя ненависть к горным чудищам, а огры все еще считали Серые Камни исконно своими, а людей – подлыми захватчиками. Поэтому нет-нет да и исчезал бесследно в горах охотник или пастух из деревни людей. В диких горах неписанные законы мирного сосуществования не соблюдались. Нет-нет да и пропадали в сезоны плохой охоты из деревенских загонов откормленные овцы, чье нежное мясо и мягкая

шерсть так полюбились коренным жителям Серых Камней. Нет-нет да и разорялись огороды – огр, проходящий при свете дня в деревню безоружным, ночью мог вернуться, чтобы украсть то, чего ему не удалось честно обменять.

К тому же далеко не все огрские племена смирились с отвоеванным людьми правом жить в Серых Камнях. Племена, где власть держали старейшины-жрецы, ненавидели людей открытой лютой ненавистью, ибо злобные духи предков, которым поклонялись огры, не терпели чужаков и не могли забыть и простить своей смерти; и наибольшую силу жрецам-магамам духи давали только при человеческом жертвоприношении. Такие племена люди называли дикими.

Дикие огры жили высоко в горах, но – нередко случалось – наведывались и в долины. И тогда сквозь мглу времен в жизнь людей прорывался густой и липкий смрад давней большой кровавой войны. Долго бродили дикие по ближним к долинам горам, улучая момент напасть, и нападали всегда неожиданно. Поэтому-то даже в самые мирные времена на сторожевых башнях замков днем и ночью вели наблюдение ратники.

Как только караульный в сторожевой башне заметит на горных склонах что-нибудь подозрительное – ревет труба, заставляя жителей деревни хватать самое необходимое и бежать в замок. А хозяин замка, рыцарь его величества короля Гаэллона, поднимет свой гарнизон, прыгнет в седло, и выкатится в открывшиеся ворота отряд опытных ратников, с малолетства приученных к тяжким битвам с безжалостным врагом... Частенько бывало и такое, что дикие огры, рассчитывавшие подкрасться незаметно к деревне и быстро взять легкую добычу, перерезав деревенских, завидев воинов замка, поворачивали обратно. Потому что знали: люди будут биться до последнего, защищая замок, где укрылись их родные и близкие. И рыцарь короля, ведущий ратников в бой, никогда не отдаст приказ к отступлению, никогда не оставит на разграбление ограм деревню, никогда не подпустит врага к замку. Ибо этот замок – его замок. Эта деревня – его деревня. Эти люди – его люди. А защищать своих людей и их имущество – долг рыцаря.

Здесь, в этих краях, веками лютых сражений выковывалось особое рыцарское братство, для членов которого главным было отстоять себе подобного, вовремя поспеть на помощь другому человеку. И никакого значения не имело, кем именно являлся тот человек – дряхлым стариком – собирателем кореньев или богатым герцогом, хозяином громадного замка. Поэтому в Серых Камнях люди не сражались с людьми.

Здесь, в этих краях, люди привыкли полагаться на крепость руки, ясный ум и верный меч. Магов в Серых Камнях не было. Издавна магию считали делом нечестивым и недостойным настоящего воина; более того – человека. Должно быть, это пошло еще с тех незапамятных времен, когда первые люди, явившиеся сюда с равнин, находили мучительную смерть на жертвенных алтарях огрских жрецов. И сколько лет уже минуло с тех пор, а человеческая кровь на каменных жертвенниках все не высыхает... Огрская магия не являлась боевой; строго говоря, огры вовсе и не были магами. Они – посредством жрецов – обращались к духам своих предков, и те, сладким запахом крови призванные из мрака небытия, мучимые извечной ненавистью мертвых к живым, внимали жреческим мольбам и творили ужасные вещи. Насылали на людей жуткие болезни, почти не поддающиеся лечению, когда зараженный человек гнил изнутри заживо или, обезумев, жрал самого себя... Насылали леденящий ветер из своих могил, иссушающий человека до костей, превращали живительную колодезную воду в мерзкую жижу, воняющую падалью, заставляющую кровь людей закипать в жилах, портили траву на деревенских пастбищах, отчего овцы и козы слепли, теряли шерсть и в конце концов превращались в отвратительные гнилокостные скелеты, с которых лохмотьями отваливалась разлагающаяся плоть... В бою огры-жрецы магическую силу своих предков использовали редко – ненависть мертвецов не для честной битвы, а для скрытных ночных козней. В бою напитанные мертвой мощью посохи огрских жрецов способны были лишь вытянуть силы из сражающихся воинов или лишить их зрения и слуха. Но оттого огрская магия для людей Серых Камней ощущалась еще более пугающей. Огрская магия, жестокая и примитивная, целиком основанная на кровавых жертвоприношениях, повергала людей в ужас, а ужас рождал ненависть. Оттого-то люди Серых Камней отвергли магию, и пытающиеся изучать ее или – тем паче – практиковать неизменно подвергались изгнанию.

Отсюда, из этих краев, везли юношей в Горную Крепость Порога, и юноши те вырастали в могучих рыцарей, в то время как большая часть молодых воинов, родом откуда-нибудь из других мест, не доживала в Крепости и до двадцати лет. А Магистрами Ордена Горной Крепости вот уже несколько столетий становились выходцы из Серых Камней Огров...

Эрл рассчитал, что он будет идти через Камни около недели. Уже в начале пути коня придется оставить и далее передвигаться пешком – иначе каждую минуту придется опасаться, что конь сорвется с крутой горной тропы и увлечет за собой в пропасть седока.

А спустя неделю Эрл спустится в Западное Загорье. Это часть Серых Камней, где горы не такие высокие, скалы не такие неприступные, где каменистые склоны покрывает густой лес, позволяющий людям возводить добротные деревянные строения, а не ютиться в сложенных из плоских голышей хижинах. Жизнь в Западном Загорье немного легче несмотря на то, что несколько свирепых огрских диких племен обосновались и там. В Западном Загорье находится родовой замок сэра Эрла, называемый Львиный Дом. По меньшей мере две сотни воинов, готовых подчиняться его слову, ждут его там. В Серых Камнях каждый рыцарь – друг его отца, а значит, и его друг. И каждый рыцарь имеет в своем подчинении от полутора до четырех сотен опытных ратников.

Знать Серых Камней Огров ни за что не оставит в беде сэра Эрла. Если понадобится, рыцари будут сражаться за него до последнего вздоха. И уж конечно не выдадут его приспешникам Константина. Потому что рыцарь Серых Камней, однажды принеся клятву своему королю, не станет присягать тому, кто после смерти государя занял престол не по закону крови, а по праву сильного.

Правда, псы Константина, посланные им по следу горного рыцаря, нипочем не сунутся в Серые Камни. Сэра Эрла, несомненно, будут искать в Львином Доме. Но обходным путем, минуя Серые Камни Огров, до родового замка Эрла можно добраться только за месяц, а то и того больше.

Мысль о том, что Константину по силам переправить своих людей куда угодно и в каком угодно количестве, больно кольнула рыцаря. Но сэр Эрл, нахмурившись, отогнал ее, так движением брови отгоняют поганую муху. Как бы то ни было, теперь его путь лежит в Львиный Дом, и ничто не заставит горного рыцаря свернуть с этого пути. Он должен добраться туда как можно скорее. Потому что он – тот, кому по праву принадлежит престол Гаэллона!

А значит, кроме него, некому избавить людей от незаконной власти мага-узурпатора.

Часть вторая

Падение железного грифона

Глава 1

В полуденной солнечной дымке листья на искусно подрезанных ветвях деревьев королевского дворцового сада сладко светились – будто сами излучали свет, и сад окутывало нежно-зеленое облако. На поляне, уютно окруженной низенькими скамейками, взлетали к светящимся кронам легкие качели. Вверх – и привычно замирает сердце, и трепещут крыльями бабочки в животе. Вниз – и налитанный цветочным благоуханием воздух приятно холодит разгоряченные щеки. А у качелей стоит рыцарь. Золотые волосы, тщательно расчесанные и надушенные, обрамляют прекрасное юное лицо, на боку рыцаря меч, а в руках лютня. И поет рыцарь, наигрывая на лютне, так страстно, что кажется юной деве, вверх-вниз летающей на качелях, – вовсе не деревянное, оббитое мягкой тканью сиденье под ней, а могучая спина доброго грифона, уносящего ее под облака.

Рыцарь сам сочинил песню, и сейчас он впервые исполняет ее той, кому эта песня и посвящена, той, чье имя повторяется в каждой строчке. Вот он умолк, и последний аккорд растаял в солнечных лучах.

– Это было прелестно, сэра Эрл, – ответила принцесса на вопросительный взгляд рыцаря...

И проснулась.

Горький запах дыма ударил ей в ноздри, утренний сырой холод схватил за плечи. Лития вздрогнула; натягивая капюшон плаща на голову, отметила, как дрожат ее руки. Костер уже догорал, затянувшиеся седым пеплом черные головешки немилосердно чадили.

– Доброе утро, ваше высочество, – услышала Лития голос Оттара.

Северянин сидел напротив нее, по другую сторону костра, на месте болотника, и большим кухонным ножом старательно обстругивал длинную прямую ветку.

– А где сэра Кай? – оглянувшись, спросила принцесса.

– А кто ж его знает? – ответил Оттар. – Ушел куда-то, не успело еще рассвети. Я и не спрашивал куда: значит, так надо. Завтракайте, ваше высочество. А то мы вас ждем. Позавтракайте, а уж потом и мы...

Лития посмотрела на лист лопуха, на котором возвышалась горка из слипшихся лепешек. Потемневшие и жесткие даже на вид куски свинины валялись прямо на мху. Принцесса вздохнула и двумя пальцами подняла лепешку с вершины горки – сморщенный округлый кусок теста, пропитанный сгустившейся за ночь сметаной, отделился от горки с отвратительным хлюпающим треском.

– А чем вы заняты, сэр Оттар? – завела разговор принцесса, не решаясь приступить к еде. – Зачем вам эта палка?

– Какая же это палка? – Северянин даже обиделся. – Это рукоять для моего топора.

– А разве старая рукоять недостаточно крепка для вас? – простодушно спросила Лития, кивнув на топор, лежащий у ног рыцаря.

– Как вы не понимаете, ваше высочество! – округлил глаза Оттар. – Не в этом дело, крепка или нет! Эта ж рукоять короткая, в руку всего длиной. И потом, вот гляньте, ваше высочество: где железко крепится, она толстая, а где рукой держать – тоньше и изогнутая. Таким только лес рубить...

– Мне кажется, крестьянский топор именно для этого и предназначен, – улыбнулась принцесса.

Оттар моргнул.

– Ага, ну да, – сообразил. – Только мне-то он не для рубки деревьев нужен. – Северянин поднял обточенную палку над головой и, прищурившись, внимательно посмотрел на нее. – Мне рукоять нужна прямая и длинная – в две руки длиной. Так удар точнее, так железо прочнее сидеть будет, и лезвие нипочем не соскользнет, ежели по щиту угодишь. Только вот... – он вздохнул, – заточить лезвие надо правильно, а тут, в этом лесу, и камней-то подходящих нет. Хуже всего, когда топор скверно заточен.

Принцесса, слушая Оттара, отщипнула от лепешки крохотный кусочек.

– У вас в Гаэлоне, я посмотрю, воины топорами вообще не пользуются, – продолжал рассказывать северянин. Было видно, что эта тема его волновала. – А те, кто пользуется, делать этого вовсе не умеют. У вас так принято: воин правой рукой, мечом вооруженной, сражается, а топор, который он в левой руке держит, вроде как на подхвате: шлем проломить, щит ли, доспех... Тьфу! Простите, ваше высочество. У нас в Утурку не так. У нас топор – оружие особое!

Северянин воодушевился. Он говорил, уже не обращая внимания, слушает его принцесса или нет.

– Топор у нас, в Королевстве Ледяных Островов, называют несущий смерть. Когда воин вооружается боевым топором, это значит: он не намерен брать пленных. Он идет убивать безо всякой пощады. Он намерен уничтожить врагов или умереть. Знаете, ваше высочество, после удара мечом можно выжить. Я помню случаи, когда воины, копьем насквозь пронзенные, через несколько месяцев уже снова брали в руки оружие, но любая рана, нанесенная боевым топором, – смертельна.

– Ваш рассказ, сэра Оттара, мне аппетита не прибавляет, – заметила Лития, но северянина было уже не остановить.

– Простите, ваше высочество, – с готовностью извинился он. – Так ведь я дело говорю! Боевой топор – оружие искушенных воинов. Тут все решается за один-два удара. Не то, что у вас, – по полдня друг вокруг друга с мечами пляшут. Верно ударишь – враг мертвым падает. А чуть ошибешься, считай, труп. Он же тяжелый, топор-то! Пока того... равновесие вернешь, тебя десять раз зарубят.

– Я и представить не могла, – улыбнулась снова принцесса, – что путешествие в сопровождении двух рыцарей Братства Порога окажется таким познавательным.

– Я, между прочим, в воинском мастерстве не хуже брата Кая осведомлен, – похвалился Оттар, опять не заметивший сарказма. – На чем я, бишь, остановился? Ага... Это вот топор лесоруба... был. А ежели я сейчас рукоять заменю, так он вполне за секиру сойдет. Секира у нас – король среди топоров. Есть еще ручной, так он с короткой рукоятью и сам легкий, его на ременной петле носят, к руке подвесив. Он хоть и называется боевым, но... это оружие

крестьян: одинаково хорош, чтобы и дров нарубить, и семью защитить, если враг вдруг нападет. Такие топоры в Утурку крестьяне постоянно с собой носят, как вот у вас – ножи. Еще «бородатый» топор есть – у него лезвие снизу оттянуто, прямо как борода. «Бородатый» в морских сражениях просто незаменим! Этой бородкой при abordage борт вражеской шнеки цепляют, в воду врага скидывают. Зацепишь за доспех, дерг на себя... вражина – плюх и пошел бульки пускать. В доспехах-то не всякий выплывет, особенно если сверху кто-нибудь веслом по маковке саданет. Вот, ваше величество... А уж топор, который мы секирой зовем!.. Это совсем другая песня. Он тяжелый, им двумя руками рубят. И затачивать его надо правильно. Уметь надо! Вот, поглядите, ваше высочество!

Оттар одной рукой легко поднял отвоеванный в доме деревенского старосты топор и покрутил им перед лицом принцессы.

– Видали, ваше высочество? – осведомился он. – Как заточено лезвие-то?

– Наверное, дурно заточено? – предположила Лития.

– Да вообще никак! – возбужденно помотал головой северянин. – Дрова колоть – вот для чего он сгодится. Его еще заточить правильно надо! Но не остро, как меч или кинжал. Тот дурак... простите, ваше высочество, кто так точит топоры? Ежели лезвие остро по всей длине, так топор может в теле врага застрять. Будешь корячиться вынимать, а тебя сзади по черепушке – бац! – Эта ситуация почему-то показалась северянину крайне комичной, и он хохотнул, хлопнув себя по коленке. – Надобно вот как точить – чтоб лезвие клином шло, вот эдак! – Оттар, приставив два пальца друг к другу, изобразил острый угол. – Тогда топор при ударе не впивается в плоть, а разваливает ее. Конечно, чтобы такой топор вогнать глубоко, надобна большая сила, но зато лезвие нипочем не застрянет. Некоторые, вместо того чтобы клином оттачивать, на железо шипы ставят, которые, значит, должны помешать лезвию глубоко вонзиться, но это... – Оттар пренебрежительно цыкнул, – которые мало соображают, так делают. Что за удар-то будет? Царапина! Правильно наточить – вот как надобно-то! И тогда – шарах! – рука прочь отлетела! Шарах – нога вскачь пошла отдельно от тулова! Шарах – и черепушка дзинькнула на две половинки, а из нее мозги фонтаном!.. Вот как надобно-то! – отдуваясь, договорил, наконец, северянин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/kornilov_anton/vremya-tvari-tom-1

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)